Н·А·
НЕКРАСОВ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

Н. А. НЕКРАСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1979

Составление и общая редакция
И. Г. Ямпольского

Иллюстрации художника
И. Глазунова

КОМУ НА РУСИ
ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» — Переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали, не дойдем,
Присядем,— делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.

Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому,—
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего,—
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! — направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!

Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,—
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! [1]
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,

---

[1] Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день,—
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки»,—
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку»,—
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

«А что ты дашь?»
— «Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

«А где, пичуга малая,—
Спросили братья Губины,—
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?»

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
— «Скажи!»
— «Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:

Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее,—
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
„Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!"
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

«Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальную,—
Ответил ей Пахом.—
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворожи!»

«Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися!» —
Потребовал Роман.

«Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися»,—
Потребовал Демьян.

«Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася»,—
Потребовал Лука.

«Не прели бы онученьки...» —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава 1

ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далёко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»

Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются —
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит).

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,

Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...»

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..»

— «Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому,—
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —

Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши —подралися,
Подравшися—одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»
— «Начинай!»

«В чем счастие, по вашему?
Покой, богатство, честь—
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так...

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,

Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

. . . .
. . . .

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни,—
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?

Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!»

Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Крехтят, переминаются,
Молчат!
«О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...

Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,

Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.

И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!

Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,

Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридóрога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! [1]
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!

---

[1] Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю.

Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

«Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!

Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастию крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава 2

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.

Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.

Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола:
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
— «Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка

И праздник храмовой».
— «А далеко Кузьминское?»

«Да будет версты три».

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гу́сыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?

Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что́ протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горластно, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!

Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные,—
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»

«Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!»

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.

Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.

Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..» — Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках),
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою,—
Тут дело не в комплекции...»

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да — чтобы больше звезд!»

«А статских не желаете?»
— «Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)

Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.

«Тебе какую дверь?»
— «Да в балаган. Чу! музыка!..»
— «Пойдем, я укажу!»

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
— «А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Глава 3

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.

За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахталися пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...»

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...»

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили...» — «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
— «Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
    Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
— «А хороню я матушку!»
— «Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Крехтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»

Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок — плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

«Ну, полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! — за валиком
Неподалеку слышится.—
Я ничего... пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!

У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик,— он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!

«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избáм:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на сéмью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чуднó смотреть, как ввалится
В такую йзбу трезвую
Мужицкая беда,—
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет.
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,

Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь,—
Небось мы тут красивее?

Жалеть —жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна,— и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,

А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..»

«Как звать тебя, старинушка?»

«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *В деревне Босове*
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»

«Повесил — есть и новые»,—
Сказал Яким — и смолк.

Вглядελся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»
— «Да, бог милостив!»

«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Уда́лая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,

Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпо́м храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласилися
Ларец свой попытать.

Одна, зачем бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой...

Глава 4

СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,

А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
— «В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
— «А где возьмешь косушечку?»
— «Да вы же дать сулилися...»

«Проваливай! шалишь!..»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:

«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» — говорит.

«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!»
— «А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь,—
Сказал он,— с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

«Да в чем же ваше счастие?»

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,

Щебенки наколачиваешь
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастием
Под старость тяжело?..»

«Смотри, не хвастай силою,—
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар).—
Я был — не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклал я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
„Что это? — говорит.—

Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?"
— „А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!" —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.

И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
„Ай, молодец, Трофим![1]
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!"
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»

«Дослушай! будет счастие!»

«Да в чем же, говори!»

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне — лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.

---

[1] Выше то же лицо названо Трифоном.— *Ред.*

Однако нужно счастие
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте.
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: „Да полно вам!"
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало,— сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

«Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек.—

А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..»
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.
«Чего смеетесь, глупые,—
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал.—
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: „Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!"
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...

Ну, наливай!»
— «Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, во́пишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:

«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
— «А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит...» — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
„Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...“»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастие мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина,—
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей.—
Коли Ермил не выручит,
Счастливцем не объявится,
Так и шататься нечего...»

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
„Моя, выходит, мельница!"

„Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю.—
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?"

„Что в полчаса ты сделаешь?"

„Я деньги принесу!"

„А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!"

„Так полчаса позволите?"

„Пожалуй, час промешкаем!"

Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон,— и громким голосом
Кричит: „Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!"
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
„Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.

Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
„Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?"
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!.."

И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятаком.

Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: „Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!"
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост,—
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гро́ша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний — чей бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.

Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич».

«Чудён! — сказали странники.—
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова-князя вотчину?»

«Слыхали, ну так что ж?»

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!

Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...

Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он поцарствовал,—
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: „Ермилу Гирина!" —
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
„Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?.."

А мы: „Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!"
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

«Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику.— Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

«А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,

Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
„С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!"
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: „Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!"
Чтоб хуже не случилося,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: „Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!"
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

«Напрасно вы проходите,—
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп.—
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,

Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни де́ньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...»

«Как так?»
— «А воля божия!

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
„Осталась неизвестною
Причина" — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,

То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
„Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!"
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
„Народ поверит Гирину,
Народ его послушает..."
— „Позвать его живей!"»

. . . .

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:

У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин.—

Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Глава 5

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;

Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
— «Кто ж вы? чего вам надобно?»

«У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
— «Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»
— «Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому,—
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,

Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

«Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...»

— «Нет! нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— «Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое!» —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: „Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин,
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал..."
Ну, поняли, любезные?»

— «Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь».

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
„Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию",
А было то, любезные,
Без мала триста лет.

Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?» —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

«Так! — отвечали странники.—
Кость белая, кость черная,

И поглядеть, так разные,—
Им разный и почет!»

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья — и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
„Жирей-жирей до времени!“
Там заяц лугом крадется:
„Гуляй-гуляй до осени!“
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: „Я твоя!“

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,

Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврила Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!

Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни вó веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.

Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прошка!» — закричал.
Глонул — и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,

Сынишки, даже барышни
Не брезгуют, целуются
С последним мужиком.
„Христос воскрес!»"— „Воистину!"
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

«Так!» — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
„Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!"
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности —
Всего, что на помещика
Сбиралось искони,—

Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детя́м игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают пряничкн
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— «Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!»

«И всё прошло! всё минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» —

Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)...
«Невесело
Глядеть, как изменилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?

Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит — топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..

Поля — недоработаны,
Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!.
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте,—
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
„Навынос и распивочно".
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... „А кто велел? —
Кричат писаки праздные,—
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!"
А я скажу: „А кто же ждал?"
Ох! эти проповедники!
Кричат: „Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!.."

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!

Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: „Трудись!“

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

———

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

<1865>

ПОСЛЕДЫШ

(ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ)

1

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские» [1]
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы [2].

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч.—
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;

---

[1] Стоги.
[2] Копны.

Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову.
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошённая,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
— «Спасибо, молодцы!»

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,

Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

«Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой).—
Куда вас бог несет?»

«А мы...» — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается,—
Промолвил Влас и бросился
К рабочим: — Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас — «ура» кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу.—
Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три бàрченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные,
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни,—
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.

Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище ма́терый,
Сегодня только смётанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

«Помещик наш: Утятин-князь!»

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!»

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня — не его!»

«А чья же?»

— «Нашей вотчины».

«Чего же он тут су́ется?
Ин вы у бога не́люди?»

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:

Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

«Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?»

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

«О чем же вы хлопочете?»

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

«Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!»

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шаталися,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец.—
Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!»

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

2

«Помещик наш особенный:
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!

Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна...
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял».

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» —
Заметил Митродор.

«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна,— сказал Пахом.—
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
„А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!"
„Всё лучше",— говорит...»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

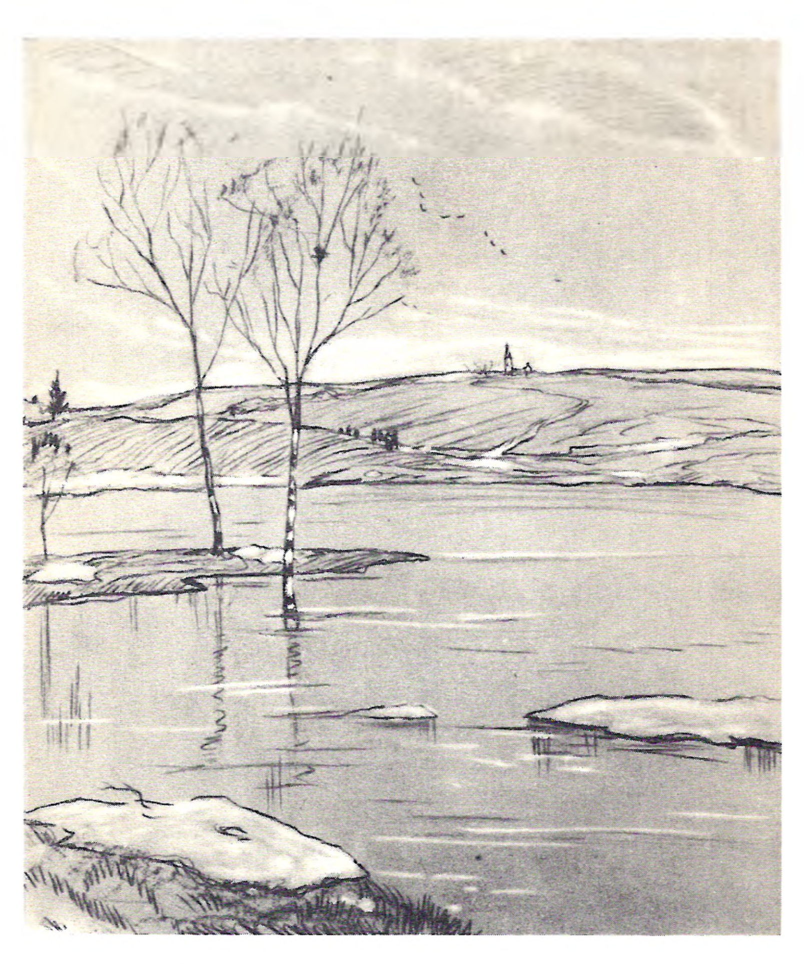
«Соринка — дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!).
Приехали сыны,

Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
„Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..“ Сынам
Сказал: „Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!
А вы... князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!“

Оробели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать, как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
„Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!“

Явилось „Положение“,—
Ипат сказал: „Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ!“
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
„Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку зяпрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в прорубй!
Да как чудно́! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
„Играй, Ипат!“ А кучеру
Кричит: пошел живей!
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.

Не то беда: а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!“»

Похохотали странники...
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: «Наследники
Ударили и вотчине
Челом: „Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешних
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное —
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!“

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! „Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!“
Однако я противился:
„Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится — к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?“

„Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!“

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! „Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,

Молчу и я — покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!“

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
„А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!“

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
„Я — русский мужичок!“ —
Горланил диким голосом

И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!

Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что „за погудку правую
Смычком по роже бьют!“

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку на́звали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного,
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,

Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работа́л мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: „Приказ по вотчине!“
Ну, слушаем приказ:
„Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло!“
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..

Другой приказ: „Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина,—
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!“
Опять смеется вотчина.
„А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!“
Еще приказ: „У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Ерёмка!..“ Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:

Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!
Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
„Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!.."
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес—среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: „Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?.."
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,

А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...
Захохотал Агап!
„Ах шут ты, шут гороховый!
Никшни!"—да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая—обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: „Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!.."

„Ты — бунтовщик!" — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал
„Теперь конец!" — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
„Спасите нас, голубчики!
Спасите!" Ходят бледные:
„Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!"
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
„Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!"
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
„Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!"
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,

Так барин даже сжалился:
„Сам виноват, Агапушка!“ —
Он ласково сказал...»
«Вишь, тоже добрый! сжалился»,—
Заметил Пров, а Влас ему:
«Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...»

«Как умер?»
— «Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу́ свету́ преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а всё ж
Нет-нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!»

3

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошённое
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,

Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли,—
Спросил помещик, кушая,—
Окончим сенокос?»

«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...»

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил.—
Какой такой *господский срок?*
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову,
«Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..»
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
«Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!»

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» — спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! — сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг.—
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,

На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Всё ваше, всё господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними — царь один!
А мужики вязовые —
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!

Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.

«Вот! — молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам.—
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил... «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честно́м миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины.—
Иди! ты любишь бар!»
«Нет, сами вы попробуйте!»

И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

«Ну, да и врал же ты!»

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою.—
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб [1],
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

«Что ж там-то будет, Климушка?»

«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплошал?»

«А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!

[1] Могила.

Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!»

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

«Нет! разбегутся все...»

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?»

«Что ж делать?.. Вот беда!»

«Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!» —
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума.
И побежала к барину,
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!

В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково.
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
— «Какой ты добрый!» — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы взвизгнули,

Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить,— заметил Влас,—
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут де́вицы —
Ну, словом, пир горой!
К деви́цам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам.—
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!

Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мерно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

«Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр.— Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!

Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот... как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
„Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!.."
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою... что он куражится
По воле по моей...»

Влас отвечал задумчиво:
«Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!»

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»

Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» — «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся....
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
А толку что-то нет!

1872

КРЕСТЬЯНКА

(ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ)

ПРОЛОГ

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!

Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,

Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.

«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетоплёной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на́ помочь! Как ловится?..»

«Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!»

«Хоть бы пяточек вынули!» —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.

«С балкону!»

«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они

Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно,—
Сказал сурово Провушка,—
В железном-то тазу?» —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»

Что шаг, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они осталися
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

«Да что в них проку? зелены!»

«Мы рады и таким!»

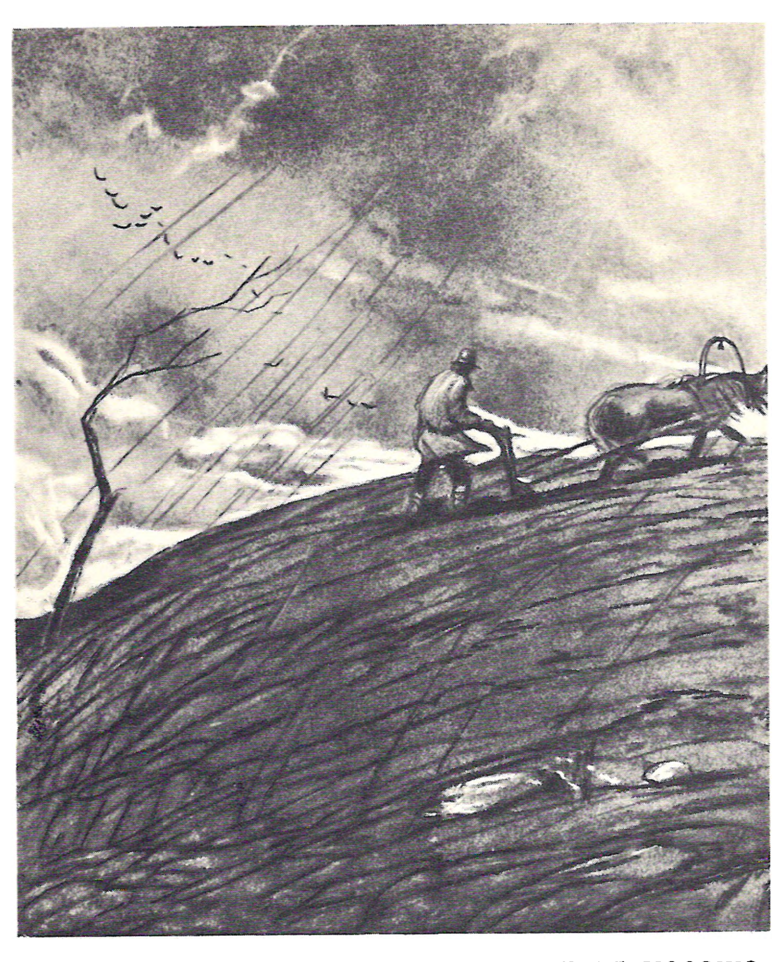
Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

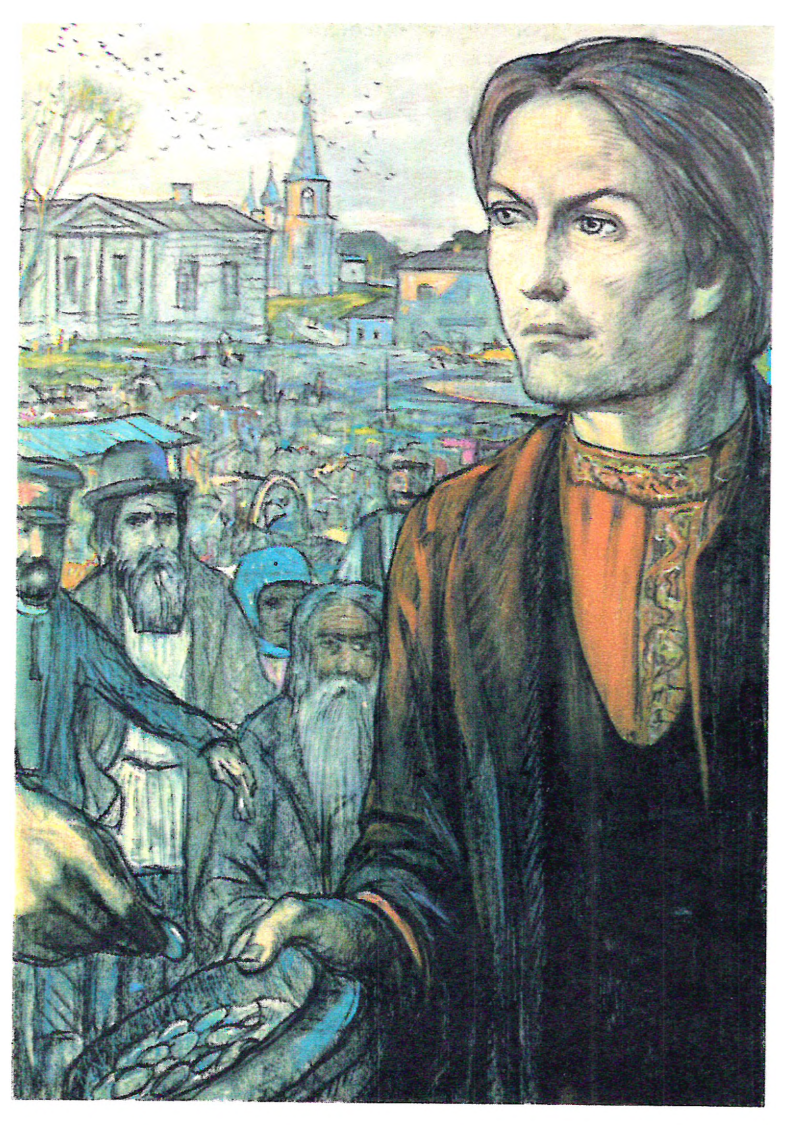
Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

«А тоже грамотеями
Считаетесь!..— с досадою
Дворовый прошипел.—
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики.—
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

«Певец Ново-Архангельский,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),

Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу...»

«Зато уж голосок!»

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: „Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?"
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
„Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!" — „И-ду!.."
„Иду"-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы!..»

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
«Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!»
— «Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,—
Всё дело девки красили
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому,—
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!

Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастие твое?»

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..»

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые».

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна,— говорит,—
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти».

«А ты нам душу выложи!»

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, коноплянники,

Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Глава 1

ДО ЗАМУЖЕСТВА

«Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: „Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —

Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!"
Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
„Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!.."

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества [1]
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: „Бери-ка грабельки
Да сено вороши!"
Так к делу приобыкла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,

[1] Обычай.

Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу,—
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
„Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..” — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На гóре — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
„Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..”
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?

О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
„Мил братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!"
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала...
„Оставь,— я парню молвила,—
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!"

„Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка.—
Не стану обижать!"

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:

На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

„Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!"

„Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться!" —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговалися,
Филиппу я: „Уйди ты прочь!",
А он: „Иди со мной!"
Известно: „Ненаглядная,
Хорошая... пригожая..."
— „Ай!.."— вдруг рванулась я...
„Чего ты? Эка силища!"
Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице...
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!

Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
„Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!"
Впервой я поклонилася —
Вздрогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилася —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилася,
И волюшка [1] скатилася
С девичьей головы...»

«Так значит: свадьба? Следует,—
Сказал один из Губиных,—
Проздравить молодых».

«Давай! Начин с хозяюшки.
— Пьешь водку, Тимофеевна?»

«Старухе — да не пить?..»

[1] Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают *волю*, то есть ленту, которую носят девицы до замужества.

Глава 2

ПЕСНИ

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Всё, что в песенке
Той певалося,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

«Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.

И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,[1]
Поймали,— полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день,[2]
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...»

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
«Раз только»,— тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» — спросили странники.

---

[1] Ниже говорится, что свекор Матрены Тимофеевны был сыном Савелия.— *Ред.*

[2] Первое катанье на санях.

«Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбилися.
„Дай башмаки Оленушке,
Жена!" — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
„Ну, благо ты приехала,
И так походишь!" — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
„Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы!" —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!»

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...

Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

«Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
„Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка..."
— „Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!"
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
„Эй, не шути с огнем!"
— „Гони его, родимая,
По шее!" — „А не хочешь ты
Солдаткой быть?" Я к дедушке:
„Что делать? Научи!"

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,

Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?»

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика»,—
Сказали мужики.

«Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был...

Глава 3

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распря́мится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!»...

А крепко досадят ему —
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час:

. . . .

«Погибшие... пропащие...»

. . . .

«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

. . . .

«Недотерпеть — пропасть!
Перетерпеть — пропасть!..»

. . . .

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

. . . .

«Надумалась Корёжина,
Наддай! наддай! наддай!..»

. . . .

И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:

«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

«Я каторжником был».
— «Ты, дедушка?»
— «Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...»

«И полно! шутишь, дедушка!»

«Нет, не шучу. Послушай-ка!» —
И всё мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

«Да как же так, Савельюшка?»

«А были благодатные
Такие времена.

Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году,—
Вот были времена!
А ныне — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: „Мой лес!" — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп [1] я похож?»

---

[1] Деревенский колодец.

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
„Явиться!" Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засу́ха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
„Оброк!" — „Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися..."
— „Оброк!" — „Оброку нет!"
Не стал и разговаривать:
„Эй, перемена первая!" —
И начал нас пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!

Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»[1]
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
„Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет — рад придумочке):
Вот был бы барабан!"

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие —
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
„Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!"
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
„Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!"

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:

[1] Полуимпериалы.

Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
„Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!"
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
„Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!"
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
„Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!"
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для у́женья снаряд.
И был сначала тихонький:
„Платите сколько можете".

— „Не можем ничего!"
— „Я барина уведомлю".
— „Уведомь!.." Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: „Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?.."
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
„Коли платить не можете,
Работайте!" — „А в чем твоя
Работа?" — „Окопать
Канавками желательно
Болото..." Окопали мы...
„Теперь рубите лес..."
— „Ну, хорошо!" — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.

Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост; накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь — отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!»

«Как вы терпели, дедушка?»

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я.— Такого-то

Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

«А что же немец, дедушка?»

«А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: „Только-то?..“
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,

Потом другой толкнул его,
И третий... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: „Веревку! лестницу!"
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
„Наддай!" — я слово выронил,—
Под слово люди русские
Работают дружней.
„Наддай! наддай!" Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися...»

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»

«Дальше — дрянь!
Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!

Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх, вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...»

«Ну что ж? — сказали странники.—
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!»

«Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников,—
Другая подошла».

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца...

Глава 4

ДЕМУШКА

«Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:

„Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!"
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
„Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!"
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили,—
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы,
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,

А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
„Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки.—
Мой грех — недоглядел!..“

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, луга.

Собрал народ: идут — крехтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притопталися,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал...
„Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!“
Я шепотком ответила:
„Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай знаешь сам“.
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
„Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..“
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогну́ла я, одумалась.

„Нет,— говорю,— я Демушку
Любила, берегла...“
— „А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?“
— „Нет! сохрани господь!..“
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
„Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честно́му погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..“ Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела,—
Металась и кричала я:
„Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..“[1]
— „Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому.—
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..“

[1] Взято почти буквально из народного причитанья.

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,—
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
„Ножом в сердцах читаете",—
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...
„Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!" — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
„В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?"
„Нет!"

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

„Не примечали, нет!"

Спросили деда старого:

„Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!"

Заплакал навзрыд дедушка,
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: „Прошу покорнейше!"
А поп ему: „Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!"

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
„У нас народ — все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащáт!"

Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
„Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!“ —
И крестит... С рук скатилися
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
„Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!

Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..“

„Уйди!..“ — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
„Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты... уйди!..“

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
„Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:

Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,
Как кошка, умывалася...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?"

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

„Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему..."

Заплакал старый дед.

„Я не ропщу,— сказала я,—
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли́
Ни бог, ни царь не вступится?.."

„Высоко бог, далеко царь..."

„Нужды нет: я дойду!"

„Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти".

„Да почему же, дедушка?"

„Ты — крепостная женщина!" —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
„Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку!"
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал...

Глава 5

ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, — всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.[1]
Не скоро я оправилась.

---

[1] Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
„Убей!“ Я в ноги кланялась:
„Убей! один конец!“
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
„Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды́ рассказывать,
Твои беды́ выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!“

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

«Нет. Он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса.

Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое,—
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. „Савельюшка!
Откуда ты взялся?"

„Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дему бедного,
За всё страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!"

„Давно простила, дедушка!"

Вздохнул Савелий... „Внученька!
А внученька!" „Что, дедушка?"
— „По-прежнему взгляни!"

Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
„Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож?"
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: „Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!

Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай..."
Так засмеялся дедушка,
Что все в коморке вздрогнули,—
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, про всех работаю,—
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовушки бракованной[1]
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,

[1] Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.

По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася,—
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
„Что держишь ты его?"
— „Посечь хотим маленичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!"
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.

„Сижу я,— так рассказывал
Сынок мой,— на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!.."

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Всё сам и рассказал,

За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: „Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?"
А Марья, та свое:
„Дай, пусть проучат глупого!"
И рвет из рук Федотушку,
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
„Не выдай! Будь заступником!"
— „В чем дело?" Кликнул старосту
И мигом порешил:
„Подпаска малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!"

„Ай, барин!" Я подпрыгнула:
„Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!"

„Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста.—
Эй! погоди плясать!"

Соседка тут подсунулась:
„А ты бы в ноги старосте..."

„Иди домой, Федот!"

Я мальчика погладила:
„Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!"

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.

Легла я, молодцы...

. . . .

В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
„Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!"
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна,—
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,

Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна́ моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что̀ без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава 6

ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной [1]
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.

---

[1] Комета.

Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую*
Надела в Рождество.[1]
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.

---

[1] Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: „Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшо́го дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: бо̀жится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!..” Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

. . .

Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

. . . .

Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

. . . .

Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: „Холодно!
На нас одежа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить,
„Бог даст!“ — ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..“

. . . .

Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: „Лукавая!
В постель скорей торопишься?“
А деверь говорит:
„Не много ты работала!

Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!"

. . . .

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

. . . .

Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!..

. . . .

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

. . . .

Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановилися...
Построились в ряды.
„Живей!" Филиппа вывели
На середину площади:

„Эй! перемена первая!“—
Шалашников кричит.
Упал Филипп: „Помилуйте!”
— „А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..”

. . .

И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала,—
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,

Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

Глава 7

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню,— чудилось,
Что с песней парни гонятся
И де́вицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало,— словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
„Открой мне, матерь божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,

Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой,—
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!.."

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс — овес!

Нужда с кулем тащилася,—
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

„Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?"
— „Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!
(Дала ему двугривенный):
На то у губернатора
Особый есть швейцар".
— „А где он? как назвать его?"
— „Макаром Федосеичем...
На лестницу поди!"
Пошла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

„Эй! что ты тут расселася?"

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

„Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!"
„Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа..."

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади́.
„Чей памятник?" — „Сусанина".
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матёрый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. „В котором-то
Твоя опочиваленка?

Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?.."

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.
„Раненько ты, кума!"

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. „Что ты вздрогнула?"
— „Устала я, родной!"

„А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь — удружу!"

Дала еще целковенький.
„Пойдем в мою комор<оч>ку,
Попьешь пока чайку!"

Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
„Вот он! — сказал Макар.—
Его превосходительство!"
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

„Да добрый ли?" — спросила я.

„Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес, бываю зол".

„Скучаешь, видно, дяденька?"
— „Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!

И Сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой..."

Я вспомнила
Про богатырство дедово:
„Ты, дядюшка,— сказала я,—
Должно быть, богатырь".

„Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!"

В коморку постучалися,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
„Сам едет?" — „Губернаторша!"—
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: „Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!"

„Откуда ты, голубушка?"
Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит.
„Чье дитятко, красавица?"
— „Твое!" Поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка —
Младенцу избрала...»

«А что же с мужем сталося?»

«Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали,—
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастие! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим ..
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего —
Подадим ему
Мы копеечку:
„Не за нас молись,—
Скажем старому,—
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!"

А увидим мы
Церковь божию —
Перед церковью
Долго крестимся:
„Дай ей, господи,
Радость-счастие,
Доброй душеньке
Александровне!"

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!

Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня,—
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!»

Глава 8

БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.

И, видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»
— «Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы,—
Уж взяли одного!»

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»

«А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..»

«Да всё ли рассказала ты?»

«Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я,—
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаче́нные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,—
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города,—
И у волхвов выспрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они — великое
Избрáнным людям божиим
То было торжество —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются,—
Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет — бог забыл!..”»

1873

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Посвящается
Сергею Петровичу Боткину

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются,—
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пиры с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»

С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет;
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.

Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте — на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

«А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!»

«Так! — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась,— на подати!
Согласен, дядя Влас?»

«У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак,—
Сказал шутливо староста.—
Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком!»
— «А чем же! Не острогом же
Кончать-ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину —
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!

Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать,—
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Всё, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню — не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми,—
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселою»
Не в шутку называл.)

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

ВЕСЕЛАЯ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
— «Где ж коровка наша?»
— «Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой».
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?» —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тем,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведреный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!

Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

БАРЩИННАЯ

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
    С лаптя до ворота
    Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

    Верченый, крученый,
    Сеченый, мученый,
    Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивалися,
В молчанку целовалися,
В молчанку драка шла».

— «Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!).—
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться —
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день».

Такие сказы чудные
Посыпались... и диво ли?
Ходить далёко за словом
Не надо — всё прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия,—
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами,—
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)

— «Так что же, брат, рассказывай!»
— «Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
— «Так, подбегало-мученик,[1]
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина[2]
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну́л! За ним осталася
И кличка: «Выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел».[3]

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО — ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;

---

[1] Подбегало — человек нетутошний, пришлый, приписавшийся к деревне.
[2] Тизенгаузена.
[3] Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добраться поможет,
Так они жили ладком — до поры...

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
— «Кто же невеста?» — «Невеста — Ариша».
Барин ответствует: «В гроб вколочу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»

Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин,— холоп задурил!
Мертвую запил... Неловко без Якова,
Кто ни послужит — дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается...
Первое дело — поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
«Что ты нахмурился, Яша?» — «Мутит!»
Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится. «Чур меня, сила нечистая! —
Шепчет,— рассыпься!» (мутил его враг).
Едут... Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки — и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
    Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
    Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
    Эхо одно откликается!

Вытянув голову, голос напряг
    Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
    Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
    Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
    Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалёко.
Ворон над Яковом каркнул один.
    Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
    Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»

Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи,— послышалось
Со всех сторон.— Жаль Якова,
Да жутко и за барина,—
Какую принял казнь!»
— «Жалей!..» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий — мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
— «А ты бы прежде выслушал...»
— «Дурак же ты...»
— «И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстерегать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.—

Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!»
— «Ну, кто же? говори!»
— «Известно кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
— «Разбойник за разбойника
Вступился!» — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
«Молись!» — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
«Убью! пиши к родителям!»
— «Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
«Ну, баста!» — прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
«Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности.
Как сил не нагулять?»
(Крестьяне засмеялися.)
— «А ты еще не хочешь ли?» —

Сказал задорно Клим.
«Ты думал, нет? Попробуем!»
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

2. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи,— им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,

А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запиралися,
Откуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.

Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны,— будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..»

Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испуга вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по спопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как уколола до крови;

Шитье к ногам спустилося,
Сидит — зрачки расширены,
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторо́жился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,

Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,

Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и нощно всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

3. И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:

«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— «Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...»
— «Паром! пар-ром! пар-ром!»
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем,—
Заметил Влас.— Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— «Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского»,—

Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. «Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... Ну, сказывай,
Что за великий грех?»

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит...
Дальний родственник хоронить катит...

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лѐт, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!

Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Громовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
— «И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!..» — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую, —
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?

У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковр-игу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
«Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» — «Пил достаточно.

Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены!..»
—«Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

«Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?»
— «Луга-то?.. Шутишь, брат!»
— «Так что ж переменилося?..
Закаркали „Голодную“,
Накликать голод хочется?»
— «Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей, вахлачки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

«По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..»

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,

Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси!»

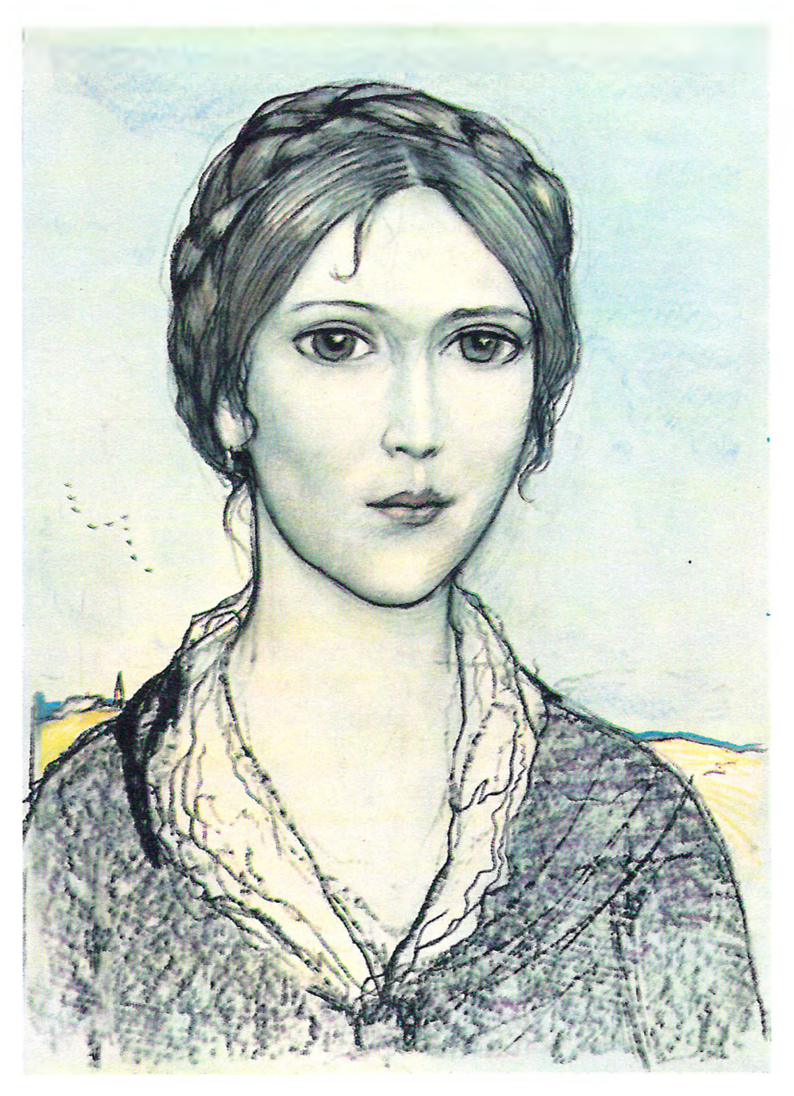
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
— «Так, значит, и „Голодную"
Теперь навеки побоку?
Эй, други! Пой веселую!» —
Клим радостно кричал...
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай бог тебе и се́ребра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
— «Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» —
Сказал Игнатий Прохоров,

Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемлённая,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им:«Бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники.—
За что его тузят?»

«Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут».— «Удоволили?» —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи...»

«Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников.—
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. ой, Егор!..
Ай служба — должность подлая!
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,—
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!»

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» —
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.

Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
Начто твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
— «Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет!» — «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
— «Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там — дело разберут!»
— «Чай, по чугунке тронешься?»

Служивый посвистал:
«Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!»

«А ты ударь-ка в ложечки,—
Сказал солдату староста,—
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»,
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку,
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что̀ было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

СОЛДАТСКАЯ

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием — по миру, по миру!

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин, вор,
Оскотинился.
Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи, солдат!»
— «И не надо, брат!»

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы попью из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!

Тошен свет,
Правды нет,

Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;

Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить,— скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками.
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых,—

Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

4. ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, осталися
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиренный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,

Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается

И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися.
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,

Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка —
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

СОЛЕНАЯ

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой»,—
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась,— и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастия
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольнего
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,—
Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного —
По их стопам

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Будь первый там!

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей,—
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,

На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
    Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
    Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
    Удушливей сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
    Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
    Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
    На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
    Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
    Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
    Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
    И учится быть гражданином.

И ношу твою облегчила судьба,
    Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе — раба,
    Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается,—

Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побелённая,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем,
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагружённые:
Вчера бурлàки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
И с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

БУРЛАК

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь.
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!

С бурлàка мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

РУСЬ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,

Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,—

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая,—

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая.—
Горячо сказалася правда в ней великая!

Завтра же спою ее вахлачкам — не всё же им
Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,
Краше прежней песенка в полусне слагалася;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного!..

1876—1877

СОВРЕМЕННИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далёко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О, враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет...»,
«Ликуй, Орел!..», «Гордись, Москва!..»,
«Бердичеву привет...»

Немало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесть,
А вот листок: одно — «Ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

ЗАЛА № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстухах стоят.

Юбиляр-администратор
Древен, весь шитьем залит,
Две звезды... Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты на страже государства,
Как стоокий Аргус, бдил,
Но, преследуя коварство,
Добродетель ты щадил.
Голова твоя седая
Не запятнана стыдом:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья
Ты потворством не растлил,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты до собственности частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась

Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали: «Много лет!»
Герою подносили
Магницкого портрет:
«Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!»

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей...

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et caetera[1].)

«Чудо!» — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней гу́бы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
    Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
    Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевили посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутом Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.

---

[1] И так далее *(лат.)*. — *Ред.*

Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутом придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки! —
Восклицает князь Иван.—
Надо спрыснуть... спрыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, постой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... *и камни говорят!*
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван,
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложилися юнцы
К бриллиантам и сафирам...

«На колени, молодцы!
Гимн!..»
Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

№ 4

Военный пир... военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит увлекшийся оратор.—
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый,
Куда он армию ведет?..
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.
А страх без палки — скоротечен.
Пусть целый день не мог присесть
Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?»

№ 5

«...Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился?..»

«Позвольте-с!»
Я посторонился
И дал дорогу осетру...

№ 6

Большая зала... шума нет...
Ученое собранье,
Агрономический обед,
Вернее — заседанье.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,
Поверив превосходству
Швейцарских, áнглийских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
„Работать много, мало есть" —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге...
Покинул я опасный путь,
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

«Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закрыть собранья наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром).—
Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!

Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...»

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль! —
Решило всё собранье,—
И дать Коленову медаль:
„За ревность и старанье"».

«Ура!.. Подписку!..» Увлеклись —
Не скупо подписали,—
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 7

Председатель Казенной палаты —
Представительный тучный старик —
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали... ваши способности...»
— «Нет-с! вернее: решительность мер».
— «Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин председатель Пасьянсов!»
— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!

Жаль, что люди такие способные
Редки! Если бы меры принять
По всему государству подобные!..»
— «И тогда — не могу отвечать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик».
— «Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?..»
— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик...

№ 8

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо — результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...
Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
                    Лакей суровый
Дверь захлопнул, как назло.

№ 9

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:
            «Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте, —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец
Отозвался и Тяпушкин,

Скромный труженик-певец:
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

«Прочитай-ка хоть кусочек!» —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где иной считал бы звезды,
Он...» — «Читай же!» — Начал чтец:

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ЮНОШИ ТЯПУШКИНА, ВЕДЕННЫХ ИМ ВО ВРЕМЯ РАЗЪЕЗДОВ ЕГО ПО РОССИИ ПО ДЕЛАМ ОТЦА

(Найден случайно между оберточной бумагой в лавке купца С. С. Подтекина; подлинник — собственность Зосима Терентьевича Ветхозаветного.)

На реке на Свири
Рыба как в Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

«Превосходно! поэтично!..» —
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично,—
Замечает журналист.—
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.

Приложил — и, к делу рьяный,
Примечание строчит:
«Отморозил ноги — *пьяный*
И — *за пьянство* был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! „веселье Руси — пить"!..

Прим. ред.

Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

«Не снабдите ли портретом?»

«Дороговько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над ї;
Можно будет в духе Миши
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев,
И Ефремов зашипит,
Но заметку сам Тургенев
В „Петербургских" поместит...»

«Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...»

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!

Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 10

«Путь, отечеству полезный
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...»
Татарин нелюбезный
Двери круто затворил;
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог,
Слышны только лобызанья,
Да «Ура!..», да «С нами бог!..».

№ 11

«Получай же по проценту! —
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту.—
В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:

«Свои законы
Есть у века, господа!

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья
Потерять последний грош,—
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира...
«Миллион!..» Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многократно возвестят,
Обозначат каждый прыщик...
И глядишь: нашелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ...
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 12

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальном зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

«Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призванье —
Служить народу!

№ 13

Слышен голос — и знакомый:
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

Траги-комедия

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,
В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

«Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.

Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

„Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!.."

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
„Кто ты?" — „Я — Федор Никифоров
Шкурин".

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют.)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки с одним „глазомером",
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были, —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый „кустарь",
Пренебреженной окраины царь.

Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: „Нейдем в кабалу!"
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут „рабочего".
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
    Всё откупил у помещика,
    „Всё — до последнего лещика!"
(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила „кустарная",
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль, эта, смею сказать лучезарная,
    Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
    Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
    Разом понизился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
    Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я между тем,

Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тени долгов

(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнут на бумаге,
Не стоящей трети цены)...

Сидели тут важно, в сознании силы,
«Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные,
Тут было с десяток менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища их.

Зацепа — красивый старик белокудрый,
Наживший богатство политикой мудрой, —
Был сборища главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —
Его окружали почетною свитой.
Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Не даром он в каждом правленьи сидит...

Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..
Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло,— писклива была его речь:
«Мм. гг.
Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятья железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
„Половину закрыть не мешало бы!" —
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдумано — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением)

Мысль — „Центрального Дома Терпимости",
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношенье к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все кутящие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.

Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей.
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

«В тихом омуте водятся черти!» —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затеи менял
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! «Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.

Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...
Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав свой карман,
Я проснулся...
Шумно... В уши
Словно бьют колокола:
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жженку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
«Выпьем, Борух! Будем братьями!» —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Всё пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.
Сюда пришел и князь Иван [1]

---

[1] См. часть 1-ю: «Юбиляры и триумфаторы», зала № 3-й.

И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жженку
И мимо шедшим посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
«С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?»
— «Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на́ мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (князя Ивана)

Чу! как орут: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал ноги,
Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Голос князя Ивана
(кому-то навстречу)

Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражаясь точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того чтоб зевать
В наших пустынях унылых —

Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Двое (4-й и 5-й)
(проходя мимо двери, негромко)

«Вам дадут паи строители,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?»
— «В чем же дело, говори!»
— «Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?»
— «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищенных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден,
И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?

Ведь я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Голос князя Ивана

(кому-то навстречу)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
Он живет бессменно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полу-немец, полу-грек,
Получает *сто четыре*...
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченье дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Голос князя Ивана

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9-й голос

...Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие,—
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.

Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й голос

Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как?! под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голос

Не щадят и духовного звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим пруссак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.

Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
«Мне „товарища на вере"
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупрёчный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты — художник по натуре...»
— «Нежелательно прослыть
Подставным в литературе...»
— «Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!»
Еврей
Отвечает, убежденью
Начиная уступать:
«Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»

— «Тут нужна лишь добродетель!» —
Восклицает биржевик...

«Дай еще им пять бутылок!» —
Испустил внезапный крик
Некто — стриженый затылок,
Голова «á la мужик».
Рост высокий, стан не гибкой,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
        По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор:

— «Сколько вы божьих храмов построили!»
— «Сколько выдали замуж невест!»
— «Сколько вдов и сирот успокоили!»
— «Сколько роздали пенсий и мест!»
— «А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заключил запевало льстецов.—
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, в Америке,
А таких не встречалось и там!»

«Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклицал осовевший герой.—
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...»

И вскочили «орлы» его верные.
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).

С телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ездит и ест,
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?..
Есть, однако, и мненье противное:
Говорят, у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят, он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смирные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрут!

Голос князя Ивана
(навстречу вновь вошедшему)

А! Авраам-изыскатель!
Мимо прошел: не узнал;
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,

Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям,
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!» —
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
    Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
    «Это невозможно!»

Я протекцию сыскал,
    Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
    «Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
    Будет — гривна со́ ста,
И воскликнул генерал:
    «Это — очень просто!»

Голос князя Ивана

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно что резать сонных —
    Обирать народ!

Слышны толки: «Леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,

А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка
Излагают пользу планов,
Не удавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти! —
Говорят витии
По сословной части.—

Да! провинция пустеет:
Города объяты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не «высшего разбора»,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим,—
Говорит — по Гнейсту — князь.—

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина!

Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимина.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

Дворянин многоземельный
С тайной думою своей
Дышит скукою смертельной,
Есть субъекты веселей:
Генеральный бой дворянский
Проиграв, они нашлись
И войною партизанской
На досуге занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:
Взяв с подряда «разреженье»
Государственных лесов,
Произвесть опустошенье,
Подменить у мужиков
Земли — дело «партизана»;
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его капкана,
Неизбежно дань отдашь!
Четвертик фальшивой меры,
Тайный фортель у весов...
Впрочем, тут же есть примеры.
Чу! помещик Хватунов
Сам кричит: «Удрал я штуку!
Не зевайте! вот вам шанс!»
И поет, друзьям в науку,
Назидательный романс:

ПЕСНЯ ОБ «ОРОШЕНИИ»

Комитету «Поощренья
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край
И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

«При ближайшем наблюденьи,—
Отвечаю в комитет,—
Нахожу, что в орошеньи
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог...» —
Согласились: «Нет нужды!»
А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участья
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросил!..

Несколько голосов

Браво, браво! ороситель!
Браво! пьем за подвиг твой!..

Князь Иван

Эй! орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был — Денис Давыдов,
Нынче — *Фомка Хватунов!*

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
    Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
    Вдруг — конец истории —
    В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандéр был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...

Вот другой — слывет за чудо:
Говорун и острослов
(«Леонид» — ему покуда
    Кличка у тузов).
Он *машинным красноречьем*
Плутократию дивит;

Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.
Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посылках состоял,
Подавал ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мненья»,
Сплетни прессы отражал,
И в директоры правленья
Наконец попал!
Тут уж торная дорога:
Нахватав десяток мест,
Как за пазухой у бога
Он живет; по-барски ест,
На балы к концесьонерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну,
Смысл известный: «Дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов
Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,
В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:

«Мат, конечно, предприятью,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»
Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намек о ней,—
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»... «Забытый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая...
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.

Новый туз-богач в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
    С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Переполнились сердца,
Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец:
Тайна жизни — гарантúя,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
«Гарантúю» и «субсидию»,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришлецы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы...

Беседа кипит не смолкая,
И льется рекою вино,

Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк краснорожий,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величьи помешался
Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному решпекту —
Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется: он в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России,
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иваныч Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его писклывый
Раздается там и тут;
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте;
Слышит — кто-то говорит:
«Нужно завтра акций двести...»
— «На наличность? на кредит?..»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышал слово «лопнул».
«Кто? Какой торговый дом?..»
— «Лопнул — шар!..» Зимою в санках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, дом,

Капитал?.. Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье ль вас тревожит? —
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденок!
По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,
Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня;
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять — рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;
До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,
Где молебен и отчет,
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткой —
Пообедать недосуг!
Вечер: два-три комитета,
Оперетка и балет,
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

Тише!.. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подал руку... Кто же он?

Кто он? действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.

Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
Плавно он идет
С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
Смолкло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдавил,
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

«Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Зазевайся —. . . . .»

А затем неизвестность полнейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!» —
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели,—
Савве он сказал —
Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
Появился, Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,

Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж! —
Говорят ему витии,—
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи в даль,
Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Пел рассказчик соловьем:

«Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессильи
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа,—
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;

Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет *solo!*
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..»

«По такому идеалу
Может только жить — кретин! —
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Сумасшедший или гений? —
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим.) — Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный мильон
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!

И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей, честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?..
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его мильоны,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... *на Черной речке!*
Вот идея, господа!
Все другие планы к черту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружье дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
　　С деньгами, с гением
　　Чудным движением
　　Русь оживим.
　　Море Балтийское,
　　Море Каспийское
　　Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспошлинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!»

(Уходит быстро и с эффектом, еще в комнате надев шляпу.)

Голос князя Ивана

Появился метеором —
Метеором и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизнь! топи камин
Грудой старых документов
Да на новых ставь: *Ладын.*
А в стяжательстве не грешен,
Сам последнее отдаст...

Чье-то замечание

Но зато ведь он помешан?

Голос князя Ивана

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *пристроить* их спеша,

Ищет он *по шапке Сеньки...*
Идеальная душа!..

В летний день у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
«Глянь: и Савва!» — гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бичевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.

В торжестве открытия канала
Сам министр участье принимал,
Но не струсил Саввушка нимало,
Речь его сиятельству сказал!
Был тогда вельможа этот в силе,
Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внесть:
Савву бог сподобил *даром слова*
На Руси богатство приобресть!

Но, начав карьеру бичевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев-мужиков»,
Он запел... что́ было русских в зале,
Подошли — и стройный хор готов:

В ГОРУ!

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напрем!..
Кости трешшат!
Нà печь бы лечь,
Зиму проспать,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За̀ сердце звуки берут.
Что ж это, господи! всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

«Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос исступленный.
По зале шепот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,
Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?

Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

Князь Иван

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы? — воскликнул Савва.—
Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней,— прибавил он к евреям,—
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

Зацепин

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!

Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили... стали рядом...
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал,— говорят,—
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Зацепин

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает).

Князь Иван

Ты книги подчистил? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услыхали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознанье,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даянье
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участьем
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.

Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
«Прочь! не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!»

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал...
Князь Иван один был весел.
«Браво!»—он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... поневоле?..
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь! —

Говаривал Володя Перелешин.—
Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Граф Твердышов... уж он ли над Россией,
Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

Зацепин
(внезапно вскакивает)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

Князь Иван

Эх, ты! некстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы, верно, перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный,
И — случится кррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившие жиды
Его почти не понимали;
Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украв казенный миллион,
И — предложили наставленье.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жиды,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери.[1]
Денежки — добрый товар,—
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — *царрр!..*

Зацепин

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

---

[1] Англия.

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Леонид

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями,
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно,
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.)

Русской души не понять иноверцу...
Пусть он бичует себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаяньи стыда.
Что за нелепость — крестьянин
не сеченный?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души изувеченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящие!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Всё под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» — так жизнь
подсказала,
Гений достигнуть помог...

Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О, роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,
Голубь в душе — благородство
и нежность!..
Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном.)

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солому...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!
Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе Мишле, Эдгар Кине,
Овсянников в родной твоей стране —
Явленья, верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом—
Вот русская незыблемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают.)

Князь Иван

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!

Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее.
Миллионы наживет!

Савва

(хлопоча между тем около Зацепы, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

Зацепин

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму.)

Савва

(читает)

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокой!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности дерзко бросался:
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства.
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.

Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возвратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?», «Правда ли?» — юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел.
И разыгралась воочию драма...

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом соду пил.
Савва—честь ему и слава!—
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

1875

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ 1875-1877

С<АЛТЫКО>ВУ

(ПРИ ЕГО ОТЪЕЗДЕ ЗА ГРАНИЦУ)

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

1867, 12 апреля 1875

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
    Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
    Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
    Где я родился и взрос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время—свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешею
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

1870, апрель 1876

ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия дерет
И ничего не возвращает,
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем налогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
И пьяным по колено море...
Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе!..

1875(?)

МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ

(ВЧЕРАШНЯЯ СЦЕНА)

Лошади бойко по рельсам катили
    Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь,
С час они силы свои напрягали,
    Надорвались — и упали...
«Бедные!» — кто-то сказал из окна.
«Глупые!» — кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы!.. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

<1876>

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
    Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
    Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда — без риска?
    Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
    В городской черте.

<1876>

ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем,—
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

18 мая 1876

ЗИНЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

4 декабря 1876, ночь

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую му́ку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Декабрь 1876

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Декабрь 1876

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!

«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал.—
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

Декабрь 1876

МУЗЕ

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

1876

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!

Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победи,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

1876

ОТРЫВОК

...Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

Декабрь 1876 или
январь 1877

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит.
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется,— в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцаньи народных страданий
И в сознаньи бессилья — умри...

Декабрь 1876 или январь 1877

ПРИМЕТЫ

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена,—
На квартиры возле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам
И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам.

Оживает наша тихая
Палестина,— к Рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку наживу.

Между 1874 и 1877

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

Ночь с 7 на 8 января 1877

*

Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

Ночь с 8 на 9 января 1877

*

Есть и Руси чем гордиться,
С нею не шути,
Только славным поклониться —
Далеко идти!

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей...

23 января 1877

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участье заявившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
    Верен: *«В горе жить —*
    Некручинну быть! —
И, больной работая полгода,

Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

1 февраля 1877

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

Отрывки

(Посвящается Елене Осиповне Лихачевой)

1

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: «мать»
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит, как гордая раба.
Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;

Венец, толпой немыслящею свитый,
Ожжет чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

2

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки,
Проснется он — и Волга оживет!
Я дождался тягучих мерных звуков...

Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлестнут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена — там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки;
Но мало я заботился о том.
Я разобрал, хранимые отцом,
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна, в саду? не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел

Моей родной,— я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал...
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке...
Она идет... Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю.—
Ты вновь со мной...» Кружится голова...
Чу, тихий плач, чу, шепот! Я внимаю —
Слова письма—знакомые слова!

3

ПИСЬМО

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!
О, дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами,
Занесена ты русскими снегами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра с закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел как зверь... ночь долгая была,
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И наконец застыла — умерла!..

О, сколько снов... о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу как дитя...
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искал, как славы,
В кого N. N. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!

. . . .

Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.

. . . .

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их — безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

. . . .
. . . .

В последний раз, как мать, тебя целую —
Я поощрять беглянку не должна;
Решай сама, бери судьбу любую:
Вернись в семью, будь родине верна —
Или, отцом навеки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься там отступницею края
И москаля презренною рабой.

. . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремели,
И птички ранние на старых липах пели.

В руке моей письмо... но нет моей родной!
Смятенный, я поник уныло головой.
Природа чутким сном была еще объята;
Луна глядела в пруд; на стебле роковом
Стояли лопухи недвижно над прудом.
Так узники глядят из окон каземата
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издалёка,
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я, и думал над письмом,
И вновь его прочел внимательно сначала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала...
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор,
Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою,
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,—
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.
. . . .
. . . .

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
«Несчастна я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,

Несчастнее, несчастнее стократ!»
Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...
Мала слеза — но в ней избыток чувства...
Что́ океан безбрежный перед ней!..
. . . .

Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж наконец проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупиц
В величьи дел, неуловимых глазом.
Я понял их—я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..).
Обречена на скромную борьбу,

Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам,—
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам...
Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил,—
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей всё разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе;
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

Начало 1850-х годов — 9 февраля 1877

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА [1]

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...
. . . .

1855 или 1856, 9 февраля 1877

ЗИНЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,

---

[1] Исправленное прежнее стихотворение.

Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

13 февраля 1877

ПОЭТУ

Любовь и Труд — под грудами развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты стоишь — бездейственен и печален
И медленно сгораешь от стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

Февраль 1877

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неумолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде!
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.

Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:

«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

3 марта 1877

*

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
　　Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
　　Или мертвой в меру дай.

23 марта 1877

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была еще вчера полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

5 ноября 1877

ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не лежится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь,
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

7 ноября 1877

МУЖ И ЖЕНА

«Глашенька! Пустошь Ивашево —
Треть состояния нашего,
Не продавай ее, ангельчик мой!
Выдай обратно задаток...»
Слезы, нервический хохот, припадок:
«Я задолжала — и срок за спиной...»
— «Глаша, не плачь! я — хозяин плохой,
Делай что хочешь со мной.

Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
    Полно, друг мой!»

«Глаша! волнует и мучит
Чувство ревнивое душу мою.
Этот учитель, что Петеньку учит...»
— «Так! муженька узнаю!
О, если б знал ты, как зол ты и гадок».
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
    Полно, друг мой!»

«Глаша! как часто ты нынче гуляешь;
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтоб одолеть ее, нужен покой!»
Слезы, нервический хохот, припадок...
«Глаша, иди! я — безумец, я гадок,
Я — эгоист бессердечный и злой,
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
    Полно, друг мой!»

9 ноября 1877

СОН

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И музе возвращу я голос,

И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы».

12 ноября 1877

*

Великое чувство! У каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей,
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,—
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

Конец 1877

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

1

СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

2

ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Конец 1877

*

Скоро — приметы мои хороши! —
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души —
Ненависть, страх — замолчали.

Конец 1877

*

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу...

Декабрь 1877

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АКТЕР

Шутка-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кочергин, саратовский помещик.
Лидия, дочь его.
Сухожилов, чиновник, жених Лидии.
Стружкин, актер.
Слуга.

Действие происходит в С.-Петербурге.

Театр представляет комнату в квартире Кочергина. Три двери: направо в биллиардную, налево в комнату Лидии; на средине выходная.

ЯВЛЕНИЕ I

Сухожилов и Кочергин, с кием выходит из биллиардной.

Кочергин. Ха! ха! ха! Как я вас славно обыграл! Удивительная партия... И как мне задалось — что удар, то либо в среднюю лузу, либо дублет в угольную... Я надеюсь, вы не сердитесь, что я вам задал сухую партию... что не дал ни одного очка сделать?..

Сухожилов. О, помилуйте, за что сердиться... на то игра; нельзя обоим вдруг выиграть.

Кочергин. Истинная правда... вот я уж тридцать лет играю на биллиарде, а никогда не замечал, что вдруг оба выиграли... Так уж странно как-то сочинены игры... Так вы не сердитесь за сухую партию?

Сухожилов. Нет; мне остается только удивляться вашему искусству.

Кочергин. Да, от этой сухой партии у меня и теперь лоб мокрый... Вот посмотрели бы вы меня в прежние годы, как я играл на биллиарде!

Когда мне было двадцать лет —
Играл тогда я бойко, славно!
Со мной, бывало, сладу нет:
Всех обыграю преисправно!
Хоть на три тысячи изволь —
Вовек не праздновал я трусу:
Я славно делал карамболь
И попадал отлично в блузу!

Теперь совсем не то... меня узнать нельзя.. я стал и стар, и слеп, и слаб.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Лидия.

Лидия. Ах! Валерьян Андреич!

Сухожилов. Лидия Степановна! Здравствуйте! Кажется, целый век не видал... позвольте поцеловать вашу ручку!

Лидия. Здоровы ли вы?

Сухожилов. Здоров; но сердце у меня страдает... матушка, кажется, на целый век замедлила нашу свадьбу... однако ж, наконец...

Кочергин. Ну, что наконец?

Сухожилов. Она уж едет... вот письмо прислала... что это за добродетельная женщина! Вы ее узнаете и с ней не расстанетесь... Она наперед дала свое согласие на брак мой с вашей дочерью... Как она на меня надеется... как любит меня! Послушайте, вот конец ее письма; волосы дыбом поднимаются! *(Вынимает письмо и читает.)* «Прощай, бесценный Валеринька»,— бесценный! — «Я скоро буду... прощай, сердце мое; береги свое здоровье, одевайся потеплей, и будь добродетелен!» Будь добродетелен!.. Такое выражение может изобресть только материнская нежность.

Кочергин. Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет... Так, значит, во ожидании всерадостного приезда, чтоб незаметнее время прошло — мы теперь и сыграем еще партийку...

Сухожилов. Некогда... я заехал только повидаться с Лидией Степановной. Вы и то меня задержали...

Кочергин. Эх! А я было только кий подпилил... так бы и срезал желтого в среднюю... Ведь вы берете

у меня дочь, последнее мое утешение... можно бы, кажется, за это партию-другую сыграть... мне ведь будет скучно...

Сухожилов. Скучно, позвольте! Вы говорите, что вам будет скучно? Мы найдем вам развлечение... Ах, позвольте... у меня есть чудесный знакомый, который, верно, умеет играть на биллиарде...

Кочергин. Ну... так что же?

Сухожилов. Я приведу к вам славного малого... он насмешит вас и обыграет...

Кочергин. Обыграет? А кто он такой?

Сухожилов. Актер.

Кочергин. Ха, ха, ха! Актер. Слышишь, Лидия, к нам хотят привести актера...

Сухожилов. Лихая голова!.. только успевай смеяться: врет, как трещотка!

Кочергин. Все это хорошо, но... *(Берет его за руку.)* Хотите, вперед дам двадцать очков?

Сухожилов. Прощайте, иду за Стружкиным... сейчас же приведу... Он говорил, что куда-то отозван; ну, да не велик барин, в другой раз туда сходит.

Кочергин. Я очень рад буду!.. Люблю посмеяться... ха, ха! и поиграть на биллиарде! Актер... помнишь, Лидия, когда мы жили в Саратове и зазвали какого-то заезжего штукаря... такие коленцы выкидывал, что чудо!.. А это столичный: должно быть, еще лучше... ха, ха!

Сухожилов. Прощайте же. *(Подает ему руку.)*

Кочергин. Ах, киек-то хорош! Двадцать пять вперед дам, сыграем; и выставку дам!

Сухожилов. Прощайте, Лидия Степановна... мы скоро увидимся.

Кочергин *(вслед уходящему Сухожилову)*. Валерьян Андреич! Двадцать пять — и все ваши промахи не в счет! Время терпит: сыграем.

Сухожилов уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, кроме Сухожилова.

Кочергин. Экой торопыга! А мочи нет, хочется кий попробовать... Ну, да бог с ним, зато он приведет нам Стружкина... Посмешит нас!

Лидия. Отчего вы думаете, папенька, что он должен быть непременно смешон?

Кочергин. Ха, ха, ха! Ведь это его занятие.

Лидия. В театре, а не в гостях.

Кочергин. Все равно... Еще бы он стал серьезные рожи корчить... Да тогда бы его никто в дом-то не пустил... Ну, об нем после, а теперь скажи-ка мне откровенно, довольна ли ты женихом, которого я тебе приискал?

Лидия. Очень довольна; лучше этой партии я не желала.

Кочергин. Постой, постой... Вишь, ты очень тороплива. Пятьдесят девять еще не партия! Вот как вас обвенчают, да на другой день поздравят с добрым утром, вот тогда ты партию-то с ним с удару кончишь. Жаль, умерла моя покойница; она бы научила тебя, как жить с мужем. Я не могу дать тебе наставлений; а пожалуй, расскажу, как со мной жила моя жена; может быть, тебе понравится и ты последуешь ее примеру.

Два месяца мы жили очень мирно,
На третий вдруг вздурилася жена,
Вскочивши, я скомандовал ей *«смирно!»*,
Тарелкой в лоб пустила мне она.
И с той поры не становилась тише;
Всё на меня сердилась ночь и день,
И уж к себе не подпускала ближе,
Как на одну печатную сажень.
Мне это страх как было нездорово,
День ото дня ставало тяжелей,—
И, наконец, чтоб сблизиться с ней снова,
Был принужден я покориться ей.
Так шли дела; в два месяца, не дальше,
Покорным быть я ей во всем привык...
Она себе жить стала генеральшей,
А я у ней был, точно как денщик!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Сухожилов и Стружкин.

Кочергин. А! а! Шум! Видно, приехали... ну, слава богу... теперь мы не умрем со скуки...

Сухожилов. Вот, рекомендую вам моего приятеля, Ореста Петровича Стружкина.

Кочергин. Очень приятно... очень приятно...

Стружкин. Валерьян сказал мне, что вы хотели со мной познакомиться: благодарю вас за честь.

Кочергин. И я благодарю, чудесно! *(В сторону.)* Сейчас видно сокола по полету!

Сухожилов *(Стружкину)*. А вот, рекомендую тебе мою невесту... Лидия Степановна...

Стружкин. Очень рад, сударыня, за моего приятеля: бог наделяет его прекрасной женой.

Лидия. Вы мне льстите...

Стружкин. А скоро будет свадьба?

Кочергин. А вам на что? Ха, ха, ха! Сострить?

Сухожилов. Да вот, как скоро приедет матушка; ты знаешь, что она скоро обещала быть... однако я иду... надо оканчивать дела.

Лидия. Пойдемте, я покажу вам мою работу...

Сухожилов и Лидия уходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Стружкин и Кочергин.

Стружкин. Вы, я думаю, с нетерпением ожидаете матушки Сухожилова, чтоб кончить дело. Хорошая она женщина?

Кочергин. А кто ее знает. Я ее сроду не видал... должно быть, хорошая. Ну, да что о таких пустяках толковать; лучше бы что-нибудь повеселее...

Стружкин. А, вы любитель веселого... веселое нынче в свете очень редко; все избилось, истаскалось; что было прежде гениально — теперь только что сносно; что было забавно — теперь никуда не годится... легче достать птичьего молока, чем настоящего, неподдельного веселья, если его нет в самом характере человека...

Кочергин. Ха, ха, ха! Как вы сказали, почтеннейший?.. Птичьего молока! Славно, ха, ха!

Стружкин. Что вы говорите?

Кочергин. Чем вы занимаетесь теперь; то есть, что поделываете?

Стружкин. Мои занятия, я думаю, вам известны... поутру роли, потом репетиции, потом спектакль, а потом опять роли и опять репетиции и опять спектакль...

Кочергин *(в сторону)*. Ха, ха, ха! Вот уж начал, начал; так у него и выливается!..

Стружкин *(в сторону)*. Что он все смеется и смотрит на меня, как на зверя!

Кочергин. Как это вы попали, любезнейший, в такую должность?

Стружкин. Любовь к театру заставила меня посвятить себя благородному званию артиста.

Кочергин. Ха, ха, ха! Да с вами не умрешь со скуки. Ха, ха!

Стружкин. Что такое?

Кочергин. Ну, любезнейший, благородному званию...

Стружкин. Я горячо полюбил театр и стал ревностно изучать образцы.

Кочергин *(смеется)*. Оно так и надо, конечно, всякий молодец на свой образец!

Стружкин *(особо)*. Он не перестает смеяться; что б это значило... уж нет ли тут чего?

Кочергин. И надо признаться, что вы собаку съели в своем ремесле!

Стружкин. Искусстве, а не ремесле!

Кочергин. Ха, ха! Все равно... искусстве... славно, славно... Как вы вошли, я чуть-чуть не фыркнул...

Стружкин *(вскакивая)*. Что такое?

Кочергин. Ха, ха, ха! Какую вы серьезную рожу скорчили... браво! ха, ха!

Стружкин. Что... чуть не фыркнул?.. Так я вас насмешил?..

Кочергин. Да как же, любезнейший; вы и теперь смешите, ха, ха, ха! Да полноте притворяться! Право, другой подумает, что вы в самом деле рассердились!

Стружкин. Вы ошибаетесь... я вовсе не думал вас смешить... я не шут, государь мой, артист... это такая разница, как небо и земля!.. Шутом может быть всякий дурак... а артистом только человек с дарованием...

Кочергин. Ха, ха, ха! Ну, недаром же мне Валерьян Андреич сказал, что вы меня распотешите... ха, ха!

Стружкин. Как? Так это вам сказал Валерьян Андреич? Он для того меня познакомил?

Кочергин. Ха, ха, ха!

Стружкин. Сделайте одолжение, перестаньте смеяться!

Кочергин. Нечего сказать; я этого не ожидал... Вы мастер своего дела... благодарю, благодарю... навещайте нас, пожалуйста, почаще... люблю посмеяться! ха, ха!

Стружкин. Теперь я все понимаю! Так вы меня затем пригласили, чтоб я смешил, потешал вас... И это сделал человек, которого я считал другом! Вы приняли меня за уличного паяцуо, за фигляра?

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства,—
За то тебя именем шута клеймят!
Талант твой считают за ложь и обманы;
Понять его — выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни; для них шарлатаны
И Гаррик, и Кин, и Лекень, и Тальма!

Кочергин. Очень хорошо!.. Удивительно! Вот у нас каждый день шарманщик останавливается... собачки у него пляшут в фартуках... и сам, каналья, танцует... да нет! Все не то! Я еще никогда так не смеялся, как сегодня... Как на вас взгляну... ха, ха, ха, ха!

Стружкин. Нет, это выше сил! Говорят вам, я не затем явился сюда. Этот Валерьян, этот повеса, солгал вам. Я же его проучу... я покажу ему, что значит актер... я отплачу ему за его похвальную рекомендацию... *(Уходя.)* Мое почтение.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кочергин. Куда же вы... вот бы мы партийку сыграли... Ну, молодец!.. Да что он, вправду, что ли, рассердился? Ха! ха! ха! Как бы то ни было, а потешил... жаль, если он не придет опять... у него и голос две капли воды на шарманку походит. А если еще он может усовершенствоваться,— так надо ожидать, что под потолок будет подскакивать... только странно, за что он рассердился? Не находит ли на него дурь? Спрошу ужо у Валерьяна Андреича... а теперь... эх, скучно стало! Так славно удалось кий подпилить, можно бы с удару партию кончить...

ЯВЛЕНИЕ VII

Кочергин и госпожа Сухожилова.

Сухожилова. Эко неопрятство какое, господи боже мой: в прихожей ни одного холопа нет... Чай, все по заведениям разбежались...

Кочергин. А? Откуда вы! Вам кого-нибудь угодно?

Сухожилова. Вестимо, недаром пришла... ах!.. дай бог память, фамилия, эдак... на помело либо на ухват похожа...

Кочергин. Что такое?

Сухожилова. Да, да, вспомнила... кочерга... Где мне найти господина Кочергина?

Кочергин. Ха, ха! Да чего спрашиваете, ведь я-то и есть Кочергин; а вы-то уж не Аксинья ли Дмитревна Сухожилова?

Сухожилова. Статочное дело, сударик...

Кочергин. Ах, так вы-то и есть... ха, ха! Здравствуйте, матушка Аксинья Дмитревна... уж как мы вас ждали-то... позвольте поздороваться. *(Целует ее руку.)*

Сухожилова. Ждали... что же мне, сломя голову скакать прикажете... растрясти стариковские кости... Я же, отец мой, люблю экономию, не по-вашему... велела в домашнюю колымагу запречь в корень пеганку, а сивку на пристяжку,— да и в Питер; вот оттого и долго... Что это у тебя за палка в руке? Дворню, что ли, муштруешь?.. неловко, неловко... вот у меня плетка сделана... так уж больно сподручно.

Кочергин. Нет, это кий, матушка, для играния на биллиарде...

Сухожилова. В первый раз слышу... однако некогда толковать о белендрясах; ты мне лучше скажи, как вы тут сынишку-то моего просватали?..

Кочергин. Все после узнаете, матушка Аксинья Дмитревна; а теперь не угодно ли сперва закусить да отдохнуть с дороги.

Сухожилова. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщик какой. Уж не умыслы ли какие?.. Нет, не дамся в обман... проучили меня, батюшка, уж довольно!.. Чтоб я стала закусывать... когда мое детище обманывают; нет, закуской меня не купишь... кусок в горло не пойдет.

Кочергин *(в сторону)*. Ну, с ней, кажется, придется язык закусить! *(Ей.)* Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сухожилова. Нечего, батюшка, подлащиваться-то... нечего бобы разводить... говори, что ты даешь за своей дочкой-то?.. коли хорошо — ладно; а нет — так ведь у меня не долго... и простимся как раз...

Кочергин *(в сторону)*. Эге! какая задорная!

Сухожилова. Давай же расписание-то.

Кочергин. Еще не готово, а что поважнее, то я так скажу, если вам хочется.

Сухожилова. Ну, говори; да не криви душой: узнаю всю подноготную... от венца оторву, если надуешь...

Кочергин. Помилуйте... во-первых, я даю за дочерью двадцать пять душ, не заложенных, мужеска пола, в Саратовской губернии...

Сухожилова. Что? Двадцать пять душ! Только! Ах ты, голь саратовская... чтоб я позволила моему сыну... нет, голубчик! он у меня один, как порох в глазе... вишь, вы его околдовали тут! Опоздай я — вы бы погубили... Двадцать пять душ моему сыну... да есть ли в тебе душа-то!

Кочергин. Позвольте, позвольте, сударыня; вы прежде выслушайте все...

Сухожилова. Да что слушать... уж, видно, обмануть хотели... ну, говори, что еще?

Кочергин. Сорок три души в Олонецкой губернии...

Сухожилова. А! ну, нешто!

Кочергин. По силе духовной, немедленно после переселения моего в жизнь вечную...

Сухожилова. Что? После переселения... Прошу прислушать... эдак он морочит меня, вдову беспомощную. Да господь знает, когда ты с душенькой своей расстанешься... может, и нивесь сколько проживешь... Хитер! больно хитер!.. Вишь ты, какой бочонок, разве что параличом хватит, а то... Ну, нашел мой сынишка сокровище!.. Да нет; не видать тебе моего сына; сейчас же выкинь дурь из головы и скажи своей дочке... не бывать ей за моим сыном...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Лидия.

Лидия (*заглядывая в дверь*). Что здесь за шум?

Кочергин. Что вы кричите... Уймитесь! сорок пять и никого!

Сухожилова. Не уймусь... буду кричать... А! это что за неженка... не она-то ли и невеста... хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, белоручка, поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь вздор-то из головы, не бывать тебе за Виктошенькой... ищи другого.

Лидия. Что такое?

Кочергин. Чем же вам моя дочь не нравится...

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
В ней добрая душа.
С такой красоткой ангельской
Женитьба — просто честь!

Сухожилова.

У нас, сударь, в Архангельской
Почище этой есть.

Вишь, расхвастался своим добром... разбойник... с ума спятил... да еще тараторит... Знайте же, что сыну моему не бывать мужем вашей дочки; не быть, не быть и не быть! Не будь я — не быть! Не видать вам его, как ушей своих, обманщики! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Кочергин и Лидия.

Кочергин. Правду говорят: не узнаешь, где найдешь, где потеряешь. И меня привел господь на своем веку настоящего черта увидеть, а я уж думал, что хуже моей покойницы и быть не может, куда! Она и в подметки этой не годится! Уж покричи она еще... я бы просто кием такой карамболь сочинил!.. Да жаль кия-то... об этакую колдунью и железный лом переломишь... Нет, слуга покорный породниться с таким дьяволом! И так на душе грехов много, а тогда уж прямо в ад ступай... а она и дорогу покажет!

Лидия. Помилуйте, не сердитесь, папенька... может быть, вы ее сами рассердили...

Кочергин. Вот те на... двадцать один и никого!.. Я рассердил! Ну на что черта сердить... в нем и так злости-то в сороковую бочку не вольешь. Хорош Валерьян Андреич! И ничего мне не сказал!

Лидия. Простите его, папенька!

Кочергин. Ну, полно, нечего тут хныкать... простите! Ступай в свою комнату да выкинь дурь из головы... Свадьбе не бывать, эта партия кончилась промахом! А эта старая чертовка пусть навек отправится к черту или навсегда в Архангельскую губернию!

Лидия уходит.

ЯВЛЕНИЕ X

Кочергин и татарин, с тюком товаров.

Татарин (*заглядывая в дверь*). Халаты, шали, платки бухарские, материя отличная, хорошей доброты, знатной, самой лучшей доброты; не угодно ли купить, барын? Товар хорош... купы, купы!

Кочергин. Ба! Это что за физиономия! Ах, татарин! Зачем черт принес... правду пословица говорит: не в пору гость хуже татарина, а уж татарин не во-время должен быть хуже самого черта!

Татарин. Что, судыр?.. Напрасно обижаете — татарин такой же человек... честный человек... бывает и русский человек, а поступает по-татарски...

Кочергин. Как ты сюда попал? Кто тебя звал, любезный?..

Татарин. Сам прышол, барын; сам прышол; должность наша такая... кому звать...

Во все дома вхожу свободно,
С вопросом: что купыть угодно?
Я все сейчас продать готов:
Халатов много и платков,
Матерья есть хорош бухарска!
Натура уж такой татарска:
Ужасно хочется продать
Да за товар побольше взять!

Кочергин. Вишь какой! ха, ха, ха! Побольше взять! Даром что татарин, а у тебя губа-то не дура: любишь денежки!

Татарин. Колы не любит, судыр, деньги вещь хорошая... все хорошее любыть можно... мы такие же люди, судар...

Кочергин. Вот что! Ну, а что ты больше-то всего любишь?

Татарин. Ну, а что вы больше всего любите? Что весь свет больше всего любит?..

Кочергин. Разумеется, у всякого свой вкус...

Татарин. Ан, нет, судыр... я вам лучше скажу... весь свет вместе и кажда человек поодиначке больше всего любыт деньга...

Кочергин. Ха, ха, ха! Так и ты, значит, больше всего любишь деньги?

Татарин. Вестымо, судыр. Кто деньга любыт, тот, значит, все хорошее любыт, потому что на деньга можно достать что есть наилучшего в свете, судыр.

Кочергин. Вот что! Умно рассудил, даром что татарин.

Татарин. Не занимать стать у вас ума, судыр... Эх! кабы у меня деньга были... не ходил бы я с утра до темной зоры, не нудил бы себя... а то вот теперь и возишься с товаром, бегаешь как угорелый с утра до ночи, чужие дела обделываешь... ох, деньга, деньга! Ходишь по улицам да думаешь, как бы рублик или полтину зашибить, судыр, право, вот те аллах, право!

Родом я не знатный барин;
Все, что есть,— с собой ношу...
Просто, судыр, я татарин,
Господам большим служу...
Знают все меня в столице;
Я хожу во все дома;
Дамы, судыр, и девицы
От меня все без ума.
Все товар мой выхваляют,
Смотрят шали и платки,
Не торгуясь покупают —
А мне это и с руки!
Малый, судыр, я не промах,
Знаем, где стоять, где сесть,
Как вести себя в хоромах,

Как в прихожей дружбу свесть;
Мы товар других не хуже
Продавать научены:
Для жены — тайком от мужа,
Мужу — тайно от жены;
Про невест наводим справки,
Как стакнемся с женихом,
От булавки до булавки
Все приданое сочтем.
Если в барыню влюбиться
Вздумал судыр до ушей,
Да не знает, как открыться —
Мы найдем дорогу к ней.
Все откроем на отчистку
И подарок ей вручим,
При подарке и записку,
Судыр, ей передадим!
Перед нами всяк спасует —
И купец, и господин;
А татарина надует
Разве, судыр, жид один!

Купы, барын... вот халат хорош на турецкой подкладка...

Кочергин. Ну, развертывай дальше, что у тебя еще есть.

Татарин. Посмотрите халат... право, останетесь довольны; будете носить да вспоминать. (*Развертывает халат.*)

Кочергин. Хорошо, хорошо; да халата мне не надо... недавно купил... показывай, что еще...

Татарин (*развертывая вещи*). Вот шали персидские... настоящие... отличной доброты...

Кочергин. Вижу, вижу.

Татарин. Которую угодно... любую возьмите... (*Откидывает одну шаль в сторону.*)

Кочергин. А это что?

Татарин. Шаль богатая, в три тысячи...

Кочергин. Что ж ты прячешь... показывай, я посмотрю... может быть, куплю...

Татарин. Нельзя, судар, уж продана... я несу ее одному молодому барыну... Валерьяну Андреичу...

Кочергин. Какому Валерьяну Андреичу?

Татарин. Господину Сухожилову.

Кочергин. Вот что! А на что ему?

Татарин. Невесте подарыть... невесте...

Кочергин. А... понимаю... шаль хорошая.

Татарин. Я ему невесту сватаю... хорошая барышня... такая красывая...

Кочергин. Ты ему невесту сватаешь... что ты говоришь?

Татарин. Да, барын, невесту.

Кочергин. Да у него уже есть невеста! Сорок пять и никого!

Татарин. И полна, судыр, какая невеста... бедная... шутит он... ему надо богатая невеста.

Кочергин. Вот что!.. Ты правду говоришь?

Татарин. Да колы ж не правду, барын... он сам просыл меня.

Кочергин. А давно ли это было?

Татарин. Да вот на днях...

Кочергин. Ай, ай, ай! Вот штука!

Татарин. Я вот и нашел ему невесту... уж такая красавица, да богатая... а это он так, шутём, где-то посватался.

Кочергин. Шутём!

Татарин. Ему нельзя без меня жениться...

Кочергин. Почему?

Татарин. Вот видишь, барын, он мне много должен, да и моим товарыщам...

Кочергин. Много должен? За что?

Татарин. Вестимо, за что, барын... дело молодое... той платочек подарыть надо, той шаль, там материя на платье... красавицы любят подарки...

Кочергин (*в сторону*). Так вот каков мой будущий зятек! Красавицы! Ай, ай, ай!

Татарин. Оно незаметно, да вот мне одному задолжал тысяч шесть.

Кочергин. Шесть тысяч!..

Татарин. Да другим нашым тысяч пяток будет.

Кочергин. Шесть да пять — одиннадцать тысяч! Уф! Двадцать один и никого!

Татарин. Так вот, барын, чтоб честно разделаться, я и ищу ему богатую невесту... Как он женится, вот первому мне и заплатит... Да что вы, судар, больно страшно на меня смотрите?

Кочергин. Нет! Я не могу более терпеть! Иди, любезный; спасибо тебе... заходи в другое время, я у

тебя куплю что-нибудь, теперь некогда... а! Черт возьми! Меня так обманывать!.. Так он сам просил?

Татарин. Да, когда же не сам... вот сегодня понесу к нему шаль... Он подарыт и сговоры будут... кабы поскорее!.. больно деньги нужны... только и молимся, чтоб женить его... до суда доводить дело не хочется...

Кочергин. Ну, ступай с богом... У него есть другая невеста!

Татарин уходит; за дверью слышен его голос: «Халаты разны, разны, материи бухарски, платки, шали!»

ЯВЛЕНИЕ XI

Кочергин, Лидия, потом Сухожилов.

Кочергин. Что я узнал!..

Лидия (*входя*). Папенька, я дошила свою подушку!

Кочергин. Подушку... напрасно торопишься с подушкой; я уж сказал, что тебе не быть за этим плутом Сухожиловым...

Лидия. Вот вы опять рассердились... В чем он провинился, папенька?

Кочергин. Он негодяй!

Сухожилов (*входит*). Ну, вот, слава богу, я отделался... теперь я могу побыть с вами, с моей милой Лидией... (*Подходит к ней.*)

Кочергин. Прочь! я не позволяю...

Сухожилов. Что такое? Почему?

Кочергин. Не позволяю, да и только. Чтобы нога ваша не была в моем доме... слышите?

Сухожилов. Что это значит? Помилуйте...

Кочергин. Ступайте вон, и больше ничего... Ищите себе татарскую невесту в другом месте! Сорок пять и никого!

Сухожилов. Степан Глебыч!

Лидия. Батюшка?

Кочергин. Что, Валерьян Андреич? Что, матушка? Вишь, какую рожу скорчил... А ты что смотришь, точно голодная синица... ступай в свою комнату...

Сухожилов. Да объяснитесь...

Кочергин. Ничего... вон, вон! Или я призову людей, призову полицию! Вас вытолкают...

Сухожилов. Боже мой! Что это значит? Я был на верху блаженства, и вдруг...

Кочергин. Да уйдете ли вы отсюда?.. Или... *(Схватывает кий и грозит.)* Вот бог, а вот порог!

Сухожилов. Он с ума сошел! *(Уходит.)*

Кочергин. А! выпроводил молодца... ха, ха, ха! Слава богу! Поди к своей окаянной матушке!

За кулисами слышен шум от падения бюстов.

Итальянец *(за кулисами, с гневом)*. Morbleu! [1] Что вы делай! Vous avez perdu la tête! [2] Вы разбили мой статуй; отдайте мне деньга... Это не карашо, синьор... Сюда?.. карашо!

Кочергин. Что еще там такое?

ЯВЛЕНИЕ XII

Кочергин и итальянец, у него на голове лоток со статуями, из которых некоторые разбиты.

Итальянец. Parbleu!.. [3] Мой Вольтер разбил... два двугривенник... Donnez moi l'argent... [4] отдайте мне деньга... деньга...

Кочергин. Какие тут ржавые деньги, что ты толкуешь?..

Итальянец. За Наполеон два двугривенник... за Вольтер два с полтин... у меня бюсты корош... настоящие гипсовые... отдайте, синьор, деньга...

Кочергин. Что такое? За Наполеона два двугривенных, за Вольтера два с полтиной? я ничего не понимаю.

Итальянец. Как не понимай! Отсюда бежит молодой человек... закричал: стара дурак...

Кочергин. А! это Сухожилов... он еще ругается.

Итальянец. Я совсем не стара... совсем не дурак... он толкай меня, э... разбил мой Наполеон... мой Вольтер... нога сломай Тальони... ну, куда без ноги годится Тальони... возьмите себе... Вольтер... Деньга подай, деньга за мой бюсты!

---

[1] Черт возьми! *(франц.)*
[2] Вы потеряли голову! *(франц.)*
[3] Проклятие!.. *(франц.)*
[4] Отдайте мне деньги... *(франц.)*

Кочергин. Да мне-то что за дело? Зачем ты сюда пришел, черт возьми!

Итальянец. Как на что! Деньга... он показал мне на вашу дверь... Вот мой статуй. (*Снимает и рассматривает.*) Ай, ай!

Кочергин. Да не кричи так! Семьдесят пять и никого!

Итальянец. Ce n'est pas bien...[1] обижать так честна итальянца... мой вам ничего не сделай...

Кочергин. Да замолчишь ли ты, дурак... говори, в чем дело, пустая голова.

Итальянец. Что... вы ругай... не карашо, синьор, ругать честна итальянец... Я не дурак! Не пуста голова.

Ma[2] — зачем вы так бранитесь,
Я не глупа человек:
Regardez-vous[3], осмотритесь,—
Я с умом ношусь весь век.
Был я прежде лазарони,
Да на разум вдруг попал:
Продавать не макароны,
А les grands[4] синьора стал.
У меня карманы пусты,
Так, фортуна чтоб нажить,—
По домам носить стал бюсты,
Стал чужою слава жить,
У меня есть Шиллер, Гете...
Все, о ком известна я,
Tout ce qu'il y a[5] ума на свете,
Все на голова моя!

Кочергин. Ха, ха, ха! А все-таки я ничего не понимаю...

Итальянец. Как не понимай... видит... (*Показывая на лоток.*) Il a cassé mes statues...[6] разбил... отдайт мне деньга, синьор... нехорошо обижал бедна итальянца...

Кочергин. Ну, хорошо, отдам, отдам, только не кричи... Ты, как я вижу, малый горячий.

---

[1] Это нехорошо... (*франц.*)
[2] Моя (*франц.*).
[3] Посмотрите (*франц.*).
[4] Великих (*франц.*).
[5] Сколько есть (*франц.*).
[6] Он разбил мои статуи... (*франц.*)

Итальянец. Будешь горяча малый... когда обижай... что мне теперь делай с моей статуй разбитой... купите, синьор, что-нибудь.

Кочергин. Ну, сколько же тёбе надо за разбитые статуйки...

Итальянец. Мой уже сказал ви... за Гете рубль сорок копейка, за Вольтер два рубли пятьдесят копейка, за Талиони три рубль...

Кочергин. Что дорого?.. Ты говори настоящую цену... я у тебя, может быть, и для себя что-нибудь куплю...

Итальянец. Нельзя дешевле, синьор, никак нельзя... уж так положено...

Наша брат такой товаром
Карашо вся цена знай,
Можно все продай задаром,
Только деньга нам давай.
Trois[1] рубль за Шиллер с Гете.
Много ль тут за два, синьор?
Матерьял возьми в расчете,
Выйдет вздор, parole d'honneur[2].
За Сенека, за Гораций,
За Сократ и за Платон
По полтина ассигнаций
Можно взять за chaque personne[3].
Нынче древняя персона
Очень дурно сходит с рук,
А вот Эльслер и Тальона
По целкова кажда штук.
За пять рубль отдам Венера
И большой Наполеон;
Два с полтиной за Вольтера,
За Руссо и Аполлон.
Меньше взять нельзя по чести
За такой большой людей,
А гуртом отдам всех вместе
За четырнадцать рублей.

---

[1] Три *(франц.)*.
[2] Честное слово *(франц.)*.
[3] Каждого *(франц.)*.

Кочергин. Вот как! Отчего же это за Наполеона-то два двугривенных, а за эту, как ее...

Итальянец. Талиони...

Кочергин. Да, за эту мадам, три с полтиной? Что ей за честь такая?

Итальянец (*ставя два бюста рядом*). Вот что-с! Regardez...[1] эта Талиони немножко повыше; а Наполеон пониже... вот разнис...

Кочергин. Понимаю... кто больше, тот и дороже...

Итальянец. Точно так, синьор. Пожалуй же деньга мне... Всего шесть рублей без десять копейка... этот молодой персон, который выбежал отсюда из двери, как il furioso[2], и скажи мне, что я здесь получит...

Кочергин. На вот, будет с тебя; тут пять рублей; ведь за другого плачу, только жаль тебя... ступай с богом.

Итальянец. Благодарю... А больше, синьор, ничего не купит? Rien?[3]

Кочергин. Нет, ничего не надо... ступай.

Итальянец (*уходя*). Возьмит, синьор, хоть Сократа; такой тяжелый... голова болит! Prenez...[4]

Кочергин. Ничего не надо, ступай... вперед не таскай таких тяжелых болванов, от которых голову ломит.

Итальянец уходит.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Кочергин, потом Сухожилов.

Кочергин. Вот еще молодец! Затем пришел в Россию, чтобы болванами торговать; точно русские не могли бы того же делать... Впрочем, у всякого человека свое пропитание...

Входит Сухожилов.

Ба! Вы зачем пожаловали... я ведь вас просил не посещать нас больше.

Сухожилов. Знаю. Я ушел от вас с твердым намерением исполнить ваше требование; но я пораздумал

---

[1] Посмотрите... (*франц.*).
[2] Одержимый (*итал.*).
[3] Ничего? (*франц.*).
[4] Возьмите... (*франц.*).

и воротился к вам... по крайней мере узнать причину вашего гнева... оправдаться...

Кочергин. Оправдаться... ха, ха, ха! Поздно! поздно!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Лидия.

Кочергин. Ты зачем?

Лидия. Ах, папенька... Я услышала голос моего Валерьяна... он почти плачет...

Кочергин. Нечего нежничать; я уж сказал, что между вами все кончено... Сорок пять и никого!

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и слуга.

Слуга. Письмо от господина Стружкина. *(Отдает письмо Кочергину и уходит.)*

Кочергин берет письмо. Сухожилов украдкой подходит к Лидии, и они вместе плачут.

Кочергин. От Стружкина?.. (*Читает.*) «Милостивый государь! Валерьян Андреич нисколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвинили... потому что под видом этих обвинителей — татарина, старухи и итальянца — был я...» Что такое? «Он поступил со мною неблагородно, выдав меня перед вами за паяца, так, что я подвергался вашим насмешкам. Я хотел отмстить ему тем же. Вы не узнали меня, и я достиг своей цели, но я не хочу продолжать моей мести и открываю вам все. Валерьян любит вашу дочь; пусть он будет с нею счастлив и научится вперед пообдуманнее оценять людей! Прилагаю при сем и ваши пять рублей, взятые мнимым итальянцем».

Сухожилов. Что я слышу? Боже мой!

Кочергин. Ха, ха, ха, ха, ха! Так это был он! И я не узнал его... Вот когда надо было смеяться, а не давеча... Точно, мы его обидели... ха, ха, ха! Молодец!..

Сухожилов. Слава богу! Наконец объяснилось...

Я точно виноват перед Стружкиным и сейчас пойду просить прощения... Он благородный малый.

Кочергин. Ха, ха, ха! Вот комедия... не плачьте же... подите ко мне... ничего не бойтесь... ха, ха, ха! (*Обнимаются.*) Только, чур, пойдем играть на биллиарде: уж я и так сегодня целый день моциону не имел... Ах, как он нас обморочил! Ха, ха, ха!

Ха, ха, ха! Должно признаться,
Он нас очень насмешил,
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил.

(*К публике.*)

Но для нас всего важнее
Ваш серьезный приговор,—
Так решите поскорее,
Насмешил ли вас актер?

1841

ОСЕННЯЯ СКУКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Ласуков, помещик.
Анисья, домоправительница.
Максим, повар.
Егор, дворецкий.
Мальчик.
Антип, кучер.
Дмитрий, портной.
Татьяна, скотница.

Действие происходит в деревне Ласуковке, в глухой осенний вечер.

Театр представляет комнату, выкрашенную синей краской. Две двери: одна прямо против зрителей, другая направо. Диван и перед ним круглый стол, на котором стоит единственная сальная свеча, сильно нагоревшая. На диване пуховая подушка в белой наволочке. На этом диване дремлет Ласуков, худенький старичок лет пятидесяти, седой, со сморщенным и болезненным лицом. В передней, внутренность которой видна через полуотворенную дверь, спит, прислонив руки к столу и положив на них голову, мальчик, в суконном казакине с красными сердцами на груди. Со двора доносится завывание осеннего ветра и скрип ставней. Вдруг ветер завыл сильнее, громче застучал ставнями; Ласуков проснулся.

Ласуков. Ну, завывает!.. А я опять уснул. Ведь вот, кажется, мудреную ли задачу задаю себе каждый день? не спать после обеда! — вот все, чего требую от себя, как от человека, а кончу всегда тем, что засну, как

скотина. А еще говорят: человек — царь творения. Ну, конечно! точно, царь, когда ему нужно объесться за обедом; а как придется не спать после обеда, так тут и погляди его!..

Молчание.

Ну, что ночью теперь буду я делать?..

Молчание.

А впрочем, желал бы я знать, кто на моем месте не заснул бы? Да я премию огромную готов тому предложить! До ближайшего города сорок верст, до ближайшего соседа семнадцать,— и дороги такие, что, говорят, третьего дня мужички мои повезли в город молоко, а привезли туда масло. Оно для молока и хорошо, а для человека, для человека каково, желал бы я знать. Пусть кто хочет, сбивает душу свою в масло, а я не хочу! Вот и приходится сидеть дома. Ну, а дома? Не угодно ли послушать, каково завывает? Дождь, грязь, слякоть, ветер...

Молчание.

Ну, что делать весь вечер? Как ночь спать? (*Останавливает глаза на нагорелой свече.*) У, какая шапка! Должно быть, и не мало я спал!.. (*Кричит.*) Свечкин!

В ответ раздается тихое, мерное храпенье мальчика.

Храпаков!

То же храпенье.

Храповицкий!

Быстро является мальчик. Свет режет его сонные глаза, и он щурится.

Мальчик. Чего изволите?

Ласуков (*иронически*). Ты не спал?

Мальчик. Нет-с.

Ласуков. Ну, конечно! я так и знал. А как думаешь, который теперь час?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Не знаю. Вот новость сказал: не знаю. А ты подумай.

Мальчик думает.

Ну!

Мальчик продолжает думать.

Говори же!

Мальчик. Не знаю.

Ласуков. Дурак, ничего не знаешь! Ну, пошел, посмотри!

Мальчик уходит.

Славный мальчик! расторопный, умница, молодец!

Мальчик. Шесть часов без четверти.

Ласуков. Да полно, так ли?

Мальчик. Так-с.

Молчание.

Ласуков. Ты ничего не видишь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Посмотри-ка хорошенько.

Мальчик (*внимательно осматривается кругом*). Ничего, все как следует.

Ласуков. Все как следует? Полно, все ли?

Мальчик (*осматривается опять*). Все-с.

Ласуков. Ты слеп.

Мальчик. Нет-с, вижу.

Ласуков. Что ж ты видишь?

Мальчик. Да все-с.

Ласуков. Все?

Мальчик. Все.

Ласуков. А что? Ну, говори, что?

Мальчик (*озираясь*). Стол, диван... стулья... свечку, гитару.

Ласуков. Больше ничего?

Мальчик. Нет-с. Стены вижу... вас вижу... потолок вижу...

Ласуков. А еще?

Мальчик (*осматривается с беспокойством*). Ничего.

Ласуков. И все в порядке?

Мальчик. Все-с.

Ласуков. А вот не все!

Мальчик (*робко*). Что же-с?

Ласуков. Ну, посмотри хорошенько, так и увидишь.

Мальчик (*в недоумении осматривается в третий раз и тоскливым голосом отвечает*). Ничего, все как следует.

Ласуков. Решительно все?

Мальчик. Все.

Ласуков. Ворона ты, ворона! Ну, посмотри еще!

Мальчик снова осматривается с мучительным беспокойством. Ласуков устремляет на него вопросительный взгляд. Мальчик молчит.

Так ничего не видишь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Поди сюда.

Мальчик подходит.

(Приподнимается, с язвительной гримасой указывает на нагорелую свечу и говорит быстро.) А это что такое?

Мальчик *(вскрикивает)*. Ах! *(И торопливо снимает со свечи.)*

Ласуков. О чем ты думаешь? где у тебя глаза? Скоро ли я добьюсь, что из тебя выйдет человек? *(Умолкает.)*

Мальчик потихоньку уходит в прихожую. Проходит несколько минут, в течение которых старичок зевает, потягивается, закрывает и открывает глаза. Ветер продолжает выть.

Как воет, как воет! Теперь, я думаю, даже ворона усидеть на дереве не может: как поддаст ей ветер под крылья, так поневоле летит и каркает, дура.

Молчание.

В Петербурге в Английском клубе, в Дворянском собрании теперь, я думаю, играют. И прекрасно делают. (*Зевает.*) Одному играть почти невозможно... да и результату никакого не будет! А может быть, в Дворянском собрании теперь бал, музыка...

Молчание.

Козыревич!

Является **мальчик**.

Подай гитару!

Мальчик, сняв со стены, подает ему гитару и останавливается у дверей. Ласуков играет и припевает апатически:

По полтинничку на пиве пропивал,
Оттого-то и на съезжей побывал...

У тебя есть ноги?

Мальчик. Есть.

Ласуков. Что ж ты стоишь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Пляши. (*Продолжает играть. Мальчик усмехается.*) Ну!

Мальчик. Не умею-с!

Ласуков. Говорят, пляши, так пляши!

Мальчик робко переминается.

(*Грозно.*) Ну же!

Мальчик делает несколько неловких движений. Ласуков играет. Во время пляски у мальчика выпадает маленький ключ из кармана. Ласуков, заметив это, говорит в сторону, с радостью потирая руки.

А-та-та-та! (*Мальчику.*) Ну, будет, будет! Заставь дурака молиться, он и лоб готов разбить!

Мальчик уходит. Ласуков на цыпочках подкрадывается к ключу, берет его, так же тихо возвращается к дивану, ложится и кричит:

Растеряшин!

Является **мальчик**.

Подай пороху!

Мальчик уходит в сени, через минуту возвращается и начинает шарить в прихожей. Ласуков с удовольствием прислушивается к его действиям.

Пошел теперь, пошел! (*Мальчику.*) Что ж пороху?

Мальчик (*из прихожей*). Сейчас!

Слышно, как мальчик опять идет в сени, возвращается и продолжает шарить.

Ласуков (*тихо*). Ищи! Ищи! (*Громко.*) Ну?

Мальчик (*сконфуженный, в дверях*). Да не знаю, сударь, ключ от шкапа куда-то затерялся. Сходить разве: не у Татьяны ли?

Ласуков. Да ты разве ей отдал его?

Мальчик (*несмело*). Да... ей-с... у нее...

Ласуков. Ну, конечно! сходи, сходи!

Мальчик уходит, и слышно на улице, как он бежит и шлепает по грязи.

Эк улепетывает! точно верхом поскакал! молодые ноги, горячая кровь! Эх, молодость, молодость! И мы были молоды, и в кавалерии служили, и на балах танцевали, и шпорами там побрякивали... да то ли еще делывали?.. а теперь! эх, эх, эх! молодость прожили, силу пропили и доживаем век с Гаврюшкой да с Анисьей, да с аптечными банками, да с лечебником Энгалычева — ипохондрического пехотного полка, геморроидального батальона, в лазаретном отделении.

Слышно возвращение мальчика.

Ключарев!

Является мальчик, весь красный, запыхавшись; лицо его выражает беспокойство.

Что ж, ключ взял у Татьяны?

Мальчик. Да она говорит, что у нее нет.

Ласуков. Ну, так где же он?

Мальчик. Не знаю, сударь!.. Он все у меня был...

Ласуков. Где?

Мальчик. Вот здесь, на поясе... как вы изволили приказывать.

Ласуков. Так ты, видно, потерял его?

Мальчик. Нет-с... как можно! я его крепко привязал...

Ласуков. Крепко?

Мальчик. Крепко-с... Сходить разве к матушке. Не оставил ли я его там, как передевался...

Ласуков. Сходи...

Мальчик уходит, и опять слышен топот его ног, к которому Ласуков прислушивается. Топот умолкает, а через две минуты слышится снова все ближе и ближе.

Вишь, опять побежал, точно заяц!

Молчание.

Вот, говорят, охота — самое лучшее развлечение осенью. Фу! мучишь бедное животное!

Слышен скрип двери.

Ну, принес пороху?

Мальчик (*еще более красен и запыхался и беспокоен*). Да никак, сударь, ключа не могу найти.

Ласуков. Ключа не можешь найти?

Мальчик. Не могу-с.

Ласуков. Я кому отдал ключ?

Мальчик. Мне-с.

Ласуков. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Ну, говори, что я тебе приказывал?

Молчание.

У тебя есть язык?

Мальчик. Есть.

Ласуков. Лжешь, нет. У тебя нет языка... а?

Мальчик. Есть.

Ласуков. Что ж ты молчишь?

Мальчик продолжает молчать.

Говори же! я тебе приказывал ключ от пороху носить на поясе, никому не давать и беречь пуще глаза... так?

Мальчик (*едва слышно*). Так-с.

Ласуков. Ну, так куда же ты его девал?

Мальчик. Не знаю-с... я никуда его не девал... я...

Ласуков. Никуда?

Мальчик. Никуда-с!

Ласуков. Не отдавал никому?

Мальчик. Никому-с.

Ласуков. И не терял?

Мальчик. Не терял-с.

Ласуков. Ну, так подай пороху!

Мальчик молчит и не двигается. Холодный пот выступает у него на лбу.

Разбойник ты, разбойник! Ни стыда, ни совести в тебе нет! Хлопочи, заботься о вас, ночи не спи,— а вы и ухом не ведете! Ну, теперь вдруг воры залезут, волки нападут — понадобится ружье зарядить... ну, где я возьму пороху?.. Так за тебя, разбойника, всех нас волки и разорвут.

Мальчик (*громко рыдает*). Я уж и сам не знаю, куда ключ пропал.

Ласуков. Не знаешь... Ну, так ищи!

Мальчик. Да я уж искал, да не знаю, где уж его и искать...

Ласуков. Не знаешь?.. а есть, а пить, а спать знаешь? а?

Мальчик продолжает рыдать.

Поди сюда. (*Мальчик подходит. Ласуков достает из кармана ключ, показывает мальчику и устремляет на него лукавый и проницательный взгляд.*) Это что такое?

Мальчик (*пораженный радостным изумлением, простодушно.*) Да как же он вдруг у вас очутился!..

Ласуков. Узнал? (*Он наслаждается удивлением мальчика.*)

Мальчик. Узнал-с.

Ласуков. Рад?

Мальчик. Как же не радоваться! (*Лицо его просияло, и он вытирает слезы.*)

Ласуков. То-то вы! Я вас пои, корми, одевай, обувай, да я же вам и нянюшкой будь... У, мерзавец! (*При этом он вернул пальцем его нос, отдавая ему ключ.*) Возьми, да потеряй у меня еще раз, так потолчешь воду целую неделю!

Мальчик. Пороху прикажете?

Ласуков. Не нужно, ступай.

Мальчик, у которого лицо вытягивается от удивления, медленно отправляется в прихожую. Старичок ложится. Наступает тишина, нарушаемая только воем ветра и гулом проливного дождя. Вдруг на лице старичка является тревожное выражение. Он быстро приподнимается, щупает себе живот и под ложечкой, пробует свой пульс и кричит.

Подлекарь!

Является мальчик.

Подай зеркало.

Мальчик приносит ручное зеркало.

Свети!

Мальчик светит. Ласуков, приставив зеркало, рассматривает свой язык и делает гримасы перед зеркалом, стараясь высунуть как можно больше язык.

Так, так! белый, совсем белый... точно сметаной с ме-

лом вымазан... Белый? *(При этом он поворачивает лицо с высунутым языком к мальчику.)*

Мальчик. Белый-с.

Ласуков. Как снег?

Мальчик. Как снег.

Ласуков. Возьми!

Мальчик уносит зеркало.

(Ласуков в отчаянии опускается на диван, ощупывает себя и рассуждает сам с собой.) Чего бы я такого вредного съел?.. А! грибы!.. точно: в соусе были грибы... Ах, проклятый поваришка! прошу покорно: наклал в соус грибов... (*Кричит.*) Грибоедов!

Является мальчик.

Позови Максима.

Приходит Максим — человек среднего роста, лет сорока, в белой куртке и белом фартуке. Он низко кланяется и робко стоит в дверях.

Ты что такое?

Максим молчит.

У тебя есть язык?

Молчание.

Да говори же: есть у тебя язык?

Максим *(пугливо)*. Как же, сударь, как же!

Ласуков. Не верю: покажи!

Максим плотнее сжимает губы.

Ну!

Максим нерешительно переминается.

Языков!

Является мальчик.

Скажи ему, чтоб он показал язык!

Мальчик. Ну, покажи язык!

После долгой нерешительности повар с крайней застенчивостью неловко высовывает язык.

Ласуков. Отчего же ты молчишь?

Максим молчит.

Молчалин! Скажи ему, чтоб он говорил.

Мальчик. Ну, говори!

Повар молчит.

Ласуков. Ты что такое?

При этом вопросе на лице повара выражается мучительное недоумение.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

Максим издает губами неопределенный звук.

Я тебя спрашиваю! ты что такое: кузнец, плотник, слесарь?..

Максим *(поспешно и радостно)*. Повар, сударь, повар.

Мальчик уходит.

Ласуков. Чей?

Максим. Вашей милости, сударь!

Ласуков. Ты должен меня слушаться?

Максим. Как же, сударь, как же!

Ласуков. Я тебе что приказывал? Ну, говори, все ли ты изготовил, как я тебе приказывал?

Максим *(с беспокойством)*. Все-с.

Ласуков. Все? Ты что сегодня готовил?

Максим. Суп, холодное... *(Запинается.)*

Ласуков. Ну?

Максим *(быстро и глухо)*. Соус... *(явственнее)* жаркое, пирожное...

Ласуков. Стой, стой... зачастил!.. Соус?..

Максим. Соус.

Ласуков. С чем?

Максим молчит.

Говори!

Максим. С красной подливкой... жаркое-с...

Ласуков. Да нет, ты постой! С чем соус?

Максим. С красной подливкой.

Ласуков. А еще с чем?.. Ни с чем больше?.. а?

Максим *(с радостью)*. Ни с чем, сударь, ни с чем!

Ласуков. А грибов в соусе не было?

Молчание.

Не было грибов?

Максим *(издает неопределенный звук)*. Не б... мм...

Ласуков. Не было? Ну, принеси его сюда!

Максим уходит.

Э-эх! *(Зевает.)* Хотя бы до девяти дотянуть... время-то ведь как ползет — еле-еле... Черепахин!

Входит мальчик.

Много ли?

Мальчик *(уходит в дверь направо и возвращается)*. Без четверти семь.

Возвращается Максим с соусником.

Ласуков. Принес?

Максим подает ему соусник; мальчик уходит.

Это что такое? это не грибы?.. *(Пробует.)* Конечно, грибы, еще бы не грибы. *(Ест.)* Прошу покорно, отравлять меня вздумал! Это не грибы! Не грибы *(ест)*, не грибы! что же это такое, как не грибы?.. пробка, что ли? *(Ест.)* Нет, нет, какая пробка! *(К повару.)* Так ты не клал в соус грибов?

Максим. Немножко, сударь... так... только для духу!

Ласуков. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Говори: приказывал я тебе класть в кушанье грибы?

Максим. Нет, сударь...

Ласуков. Зачем же ты положил их?

Максим молчит.

Ну, говори: зачем?

Максим. Да я так... немножко... я думал только...

Ласуков. Стой! что ты думал?

Максим молчит.

Что ты думал?

Максим продолжает молчать.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

Максим. Да я, сударь, думал, что оно... вкуснее... будет...

Ласуков. Вкуснее! Ах ты, чумичка, чумичка!.. Вкуснее будет!.. Ему и дела нет, что барин нездоров... Он рад мухоморами накормить... валит грибы очертя голову, а тут хоть умирай... Знаешь, что ты наделал?

Максим. Не могу знать-с.

Ласуков. Мухоморов!

Является мальчик.

Ласуков. Подведи его сюда!

Мальчик подводит повара к столу.

Видишь? *(Показывает повару язык.)*

Максим. Вижу-с!

Ласуков. Белый?

Максим. Белый-с.

Ласуков. Как снег?

Максим. Как снег.

Ласуков. Кто его выбелил, а? что молчишь? В маляры вместо поваров, в маляры — никуда больше не годен. Потолки белить, крыши красить. Вот упадешь с

крыши, расшибешься — туда тебе и дорога. Что мне с тобой сделать?

Молчание.

А?

Максим. Не знаю, сударь!

Ласуков. Как думаешь?

Максим. Не знаю-с.

Долгое молчание.

Ласуков. Пошел, садись под окошком и пой петухом! да положи у меня еще раз грибов!!

Максим поспешно уходит, с глубоким и свободным вздохом.

Петухов!

Входит мальчик.

Который час?

Мальчик. Половина восьмого.

Ласуков. Ух! *(С отчаянием опускает голову на подушку. Тишина. Через минуту он снова начинает себя ощупывать, повторяя.)* Отравил! совсем отравил, разбойник! И желудок тяжел, и под ложечкой колет... уж не принять ли пилюль?.. не поставить ли мушку?.. *(Кричит.)* Тифусевич!

Является мальчик.

Энгалычева подай!

Мальчик приносит несколько старых книг в серо-синей обертке.

Очки!

Мальчик приносит очки.

(Надев их, Ласуков читает. По мере чтения лицо его делается беспокойнее. Наконец в волнении он начинает читать вслух.) «При ощущении тяжести в животе, урчании...» *(Он прислушивается к своему животу, с ужасом.)* Урчит! урчит! *(Продолжает читать.)* «...боли под ложечкой, нечистоте языка, позыву к отрыжке...» К от-

рыжке? *(Насильственно рыгает.)* Так, и отрыжка есть! *(Читает.)* «...нервической зевоте...» Что, зевота? Ну, зевота страшная целый вечер! *(С наслаждением зевает несколько раз, приговаривая беспокойным голосом.)* Вот и еще! вот еще! *(Читает.)* «...жару в голове, биении в висках...» *(Пробует себе голову.)* Так и есть: горяча! Ну, биения в висках, кажется, нет. *(Пробует виски.)* Или есть?.. Да, есть! точно есть!.. Прошу покорно... начинается тифус, чистейший тифус... Ай да грибки! Угостил!.. Не поставить ли хрену к вискам? или к ногам горчицы?.. а не то прямо приплюснуть мушку на живот?.. *(Кричит.)* Горчишников!

Является мальчик.

Скажи повару... нет, поди! ничего не надо!

Мальчик уходит.

Лучше подожду, пока начнется... вот и Энгалычев пишет: не принимать решительных средств, пока болезнь совершенно не определится! *(Он закрывает глаза и ждет. Проходит несколько минут.)* Начинается... или нет? *(Он приподнимается, и вся фигура его превращается в вопросительный знак; он прислушивается к своему животу, пробует себе лоб, виски, живот.)* А, вот началась! началась! *(Эти слова кричит он так громко, что мальчик в прихожей вздрагивает, просыпается и осматривается безумными глазами.)* Нет ничего!.. Лучше я чем-нибудь займусь, так она тем временем и начнется... определится... тогда и меры приму... А чем бы заняться?.. А!.. Энгалычев!

Является мальчик.

Холодно?

Мальчик. Холодно-с.

Ласуков. Очень?

Мальчик. Очень.

Л а с у к о в. Не будет ли завтра морозу? Спроси-ка, где моя шуба, да вели принести сюда!

Мальчик уходит в дверь направо.

Посмотрим, посмотрим, что теперь будет. Уж давно я ждал...

Является А н и с ь я, женщина лет тридцати, очень полная, с белой болезненной пухлостью в лице. На плечи ее накинута пунцовая кацавейка, не закрывающая, впрочем, спереди платья, которое висит мешком на ее огромной груди. Голова Анисьи довольно растрепана; в ушах ее огромные серьги, а на висках косички, закрученные к бровям и заколотые шпильками, от которых тянутся цепочки с бронзовыми шариками, дрожащие при малейшем движении. На ее белой и толстой шее два ряда янтарных бус, которые тоже трясутся и дребезжат. Она останавливается у стола в небрежной позе и спрашивает протяжным голосом, с некоторым беспокойством.

А н и с ь я. Вы спрашиваете шубу, Сергей Сергеич?

Л а с у к о в (*нежно*). Да, моя милая, шубу. Хочу посмотреть. Я ее с прошлой зимы не надевал. Может, переделать понадобится... Где она у вас сохраняется?

А н и с ь я (*протяжно*). Да где?.. (*Останавливается с разинутым ртом и думает.*) Да в шкапу лежит... больше ей негде лежать...

Л а с у к о в. И табаком переложена?

А н и с ь я. Переложена.

Л а с у к о в. Ну, так пускай принесут.

Прозвенев своими цепочками и булавками, Анисья медленно и в раздумье уходит. Скоро во всем доме слышится глухая тревога: беготня, отрывистые голоса, отодвиганье ящиков, щелканье замков.

Л а с у к о в (*прислушиваясь к общей тревоге и потирая руки*). Ну, теперь пошли щелкать дверьми, отодвигать ящики, ключами греметь... засуетились, забегали... (*Заслышав тяжелые шаги Анисьи, он спешит принять спокойное выражение.*)

Входит А н и с ь я.

Анисья. Да на что вам вдруг таперича шуба понадобилась?

Ласуков. Посмотреть хочу. Холодно становится... Может, завтра мороз будет...

Анисья. Да не будет завтра морозу.

Ласуков. А как будет?

Анисья. Ну, так завтра и посмотрите.

Ласуков. Завтра? Надо ее прежде выколотить... починить... Да ведь она у тебя в шкапу лежит и табаком пересыпана,— прикажи достать — вот и дело с концом! *(Он лукаво смотрит на нее. Анисья потупляет глаза.)*

Анисья. Ах, вы! *(Качает головой, отчего ее цепочки и шарики приходят в страшное движение.)* Уж всегда такой... как что вздумаете... Вот вздумал, право! *(Уходит.)*

Снова во всем доме начинается беготня и тревога, гораздо сильнее прежней. На потолке и стенах появляются светлые пятна, показывающие, что по двору ходят с фонарями. Со двора долетают голоса, хлопанье и скрипенье дверей. Лицо старика опять озаряется лукавой и довольной усмешкой.

Ласуков. Отлично! отлично! ну, задам же я им работу! Ищите, друзья мои, ищите! ха, ха, ха! Прежде, небось, никто не подумал... только бы есть да лежать... а вот теперь и побегайте... Дармоедов!

Входит мальчик.

Что же шуба?

Мальчик. Не знаю, сударь! Ищут...

Ласуков *(с видом величайшего изумления)*. Как ищут? да разве она не в шкапу лежит?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Поди скажи, чтоб давали!

Является Анисья с шубой на руке.

Анисья. Вот ваша шуба.

Ласуков. Покажи-ка!

Анисья. Нет, вот у ней крючок оторван, так я велю пришить... *(Она хочет идти.)*

Ласуков. Нет, не надо! не надо! Давай ее так! Я хочу другие, серебряные крючки поставить...

Анисья. Ну, так где они у вас? давайте я пришью.

Ласуков. Нет, шубу-то покажи!

Анисья (*медленно подвигается вперед, причем шарики и цепочки звенят, и показывает издали шубу Ласукову*). Да вот же она! Ну, чего не видали?.. Вот у ней маненечко воротник моль тронула, так я хотела...

Ласуков. Моль тронула! Не может быть! Ведь она у вас в шкапу лежала?

Анисья молчит.

Табаком была переложена?

Анисья в смущении потупляет голову и молчит.

Не может быть! Ну, покажи!

Анисья (*стоит неподвижно, с потупленной головой, и тяжело и громко дышит*). Право, охота вам таперича шубой заниматься... Ведь сегодня гулять не пойдете... читали бы в книжку, право...

Ласуков. Читаю, читаю, да вот и вычитал, что и по вечерам иногда полезно прогуливаться...

Анисья (*громко и решительно*). Да нельзя же вам з ней прогуливаться! Вот ее забыли в горенке... а таперича вот ее всю моль поел! (*Проговорив это одним духом и без обычной протяжности, Анисья испускает глубокий вздох, причем грудь ее сильно колышется и цепочки на висках дрожат сильнее обыкновенного.*)

Ласуков (*с притворным ужасом*). Всю моль поел! (*Вскакивает и хватает шубу из рук Анисьи.*) Ай! ай! ай! (*Встряхивает шубу, отчего в воздухе образуется туча пуху и пыли, а пол покрывается клочками полусгнившего меха.*) Это что такое? (*Указывает на огромные плешины и дыры, выеденные молью.*)

Анисья молчит.

Что это такое?

Анисья (*с досадой*). Да я же вам говорила, что ее моль поел!

Ласуков. Моль поел!.. А где она лежала?

Анисья. Да в горенке... на чердаке...

Ласуков. В горенке... А кто ее положил в горенку? а?

Анисья. А я почем знаю...

Ласуков. Ты не знаешь... Не знаешь! хороша домоправительница! Кто же знает? (*Кричит.*) Мехоедов!

Является мальчик.

Ты не знаешь, кто бросил шубу на чердак?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Кто же знает?

Мальчик. Не знаю-с... разве Татьяна...

Ласуков. Позови Татьяну.

Мальчик уходит.

(*Ласуков, покачивая головой, укоризненно смотрит на Анисью.*) И не стыдно тебе?

Анисья. А ничаво не стыдно!

Приходит Татьяна, старуха лет 70, в платке и огромных котах, надетых на толстые шерстяные чулки.

Ласуков. Поди сюда!

Старуха подходит, стуча котами.

Это что такое?

Татьяна. Шуба, ба-ба-тюшка!

Ласуков. Хороша?

Татьяна. Хороша, батюшка!

Ласуков. Посмотри хорошенько!

Старуха нагибается и осматривает шубу.

Очень хороша?

Татьяна. Очень, батюшка!

Ласуков. Ты носила шубу на чердак?

Татьяна. Нет, батюшка!

Ласуков. Кто же?

Татьяна. Не знаю-с, батюшка!

Ласуков. Ты ходишь на чердак?

Татьяна. Как же, батюшка, случается...

Ласуков. Отчего же ты не посмотрела да не прибрала ее?

Татьяна. Да невдомек, батюшка!.. Не я одна хожу...

Ласуков. Не ты одна! Кто же еще?

Татьяна. Кто? все ходят, батюшка! Кому понадобится, тот и прет... И Антип ходит, и Егор Харитоныч ходит...

Ласуков. Пучеглазов!

Является мальчик.

Позови Егора.

Приходит Егор — старый человек, низенький, с красным лицом, плешивый.

Ласуков. Ты сыт?

Егор. Сыт-с.

Ласуков. Одет?

Егор. Одет.

Ласуков. Обут?

Егор. Обут.

Ласуков. Пригрет?

Егор. Пригрет.

Ласуков. Жена твоя сыта?

Егор. Сыта.

Ласуков. Одета?

Егор. Одета.

Ласуков. Обута?

Егор. Обута.

Ласуков. Пригрета?

Егор. Пригрета?

Ласуков. Дети твои по миру не ходят?

Егор. Не ходят.

Ласуков. Сыты?

Егор. Сыты.

Ласуков. Одеты?

Егор. Одеты.

Ласуков. Обуты?

Егор. Обуты.

Ласуков. Пригреты?

Егор. Пригреты-с.

Ласуков. Подойди сюда.

Егор подходит.

Смотри. (*Тряхнув шубу, он пускает на Егора тучи пыли и пуху.*) Хороша?

Егор (*глубокомысленно*). Да, никак, ее моль поел!

Ласуков. Моль поел! Ты ходишь на чердак?

Егор. Случается.

Ласуков. Отчего же ты не посмотрел да не сказал, что вот-де шуба валяется...

Егор. Да не мое дело.

Ласуков. Не твое дело? а есть, а спать, а пить — твое дело?..

Егор. Когда спать! овса выдай, хлеб мерой прими, подводы наряди... А вот Антип все лежит...

Ласуков (*кричит*). Мериносов!

Является мальчик.

Позови Антипа.

Анисья (*протяжно*). Вот, право, таперича чем вздумали заниматься.

Ласуков. Э, что? уж лучше молчи!

Приходит Антип, высокий и плотный человек средних лет, в полушубке.

Ты все лежишь?

Антип. Как можно-с! досуг ли лежать... лошадям корму задай, собакам замеси, дров наруби...

Ласуков. Ну, пошел! Поди сюда!

Антип подходит.

Полюбуйся. *(К Анисье, ядовитым голосом, указывая на шубу.)* Полюбуйся и ты...

Наступает глубокое молчание. Анисья, Егор, старуха Татьяна, Антип и мальчик в разных положениях стоят кругом остатков шубы, в облаке пыли и пуху. Свеча горит тускло. Ласуков сидит на краю дивана, с поникшей головой. Со двора доносится вой ветра и гул дождя.

Ласуков. Дармоеды! лежебоки! Только есть, пить, спать; а там про них хоть трава не расти... Какую шубу сгноили!.. Нет чтобы подумать: где-то баринова шуба? возьму-ка ее выколочу да переложу табаком... Куда! ни одному и в голову не пришло... Я так и знал!.. Что вы думаете, что я все лежу да книгу читаю, так уж ничего и не вижу? все вижу, все! Я как снял весной шубу, тогда же подумал: вот только не прикажи я спрятать — сгноят, непременно сгноят... Не на мое вышло?.. а? *(Останавливается с вопросительным выражением.)*

Анисья *(среди общего молчания)*. Так зачем же вы тогда же не сказали? А вот таперича сами сердитесь!

Ласуков. Не сказал... зачем не сказал? Хороша и ты, голубушка! заботлива, нечего сказать! Семь месяцев гниет шуба, а ей и в голову не придет!.. ходит себе, точно ступа.

Анисья *(зарыдав вдруг и утирая рукавом глаза)*. Уж коли вы таперича зачали таким манером со мной обращаться, так уж я и не знаю... *(Уходит с гневом.)*

Ласуков *(сердито обращаясь к остальным)*. У вас ног нет?

Е г о р. Прикажете идти?

Л а с у к о в. Идти. Поесть, напиться и лечь спать под тулупом. Что же вам больше делать?

Они молча уходят.

А ведь правду сказать, так и точно им больше делать нечего. Я один, а их у меня человек двадцать. Счастливые люди... спится им. *(Зевает.)* Овчинников!

Является м а л ь ч и к.

Поет?

М а л ь ч и к. Поет-с.

Л а с у к о в. Что ж не слыхать?..

М а л ь ч и к. Да за ветром... А, вот слышно!..

Л а с у к о в *(прислушивается)*. Поди скажи ему, чтоб перестал горло-то драть да спать бы ложился; а готовить завтра ничего не надо: я болен.

Мальчик уходит.

(Ласуков закрывает глаза. Тишина.) Да, я болен, решительно болен. Только какая же у меня болезнь?.. до сей поры не определилась... я просто весь болен: и голова, и ноги, и желудок. Вот поди и выбирай лекарство! Тут и сам Энгалычев станет в тупик... *(Кричит.)* Кантѐмир!

Является м а л ь ч и к.

Который час?

Мальчик уходит и возвращается.

М а л ь ч и к. Четверть девятого.

Молчание.

Л а с у к о в. Штрипку пришили?

М а л ь ч и к. Пришили.

Л а с у к о в. Ты видел?

Мальчик. Нет-с; да я еще утром велел Митрею пришить.

Ласуков. Вели-ка показать.

Через несколько минут приходит Дмитрий, лысый человек средних лет, малого роста, с стальным наперстком на большом пальце. В руках его панталоны со штрипками.

Пришил?

Дмитрий. Пришил-с.

Ласуков. Покажи. (*Мальчик светит. Ласуков рассматривает штрипку.*) Хорошо. Неси!

Дмитрий идет.

Постой!

Дмитрий останавливается.

Ты зачем у меня шубу сгноил?

Дмитрий. Какую шубу?

Ласуков. У тебя есть глаза?

Дмитрий. Есть-с.

Ласуков. Что ж ты ничего не видишь?

Дмитрий. Нет, я вижу-с.

Ласуков. Нет, не видишь.

Дмитрий. Как угодно-с.

Ласуков (*кричит*). Курослепов!

Является мальчик.

Покажи ему шубу.

Мальчик подводит портного к шубе, лежащей посреди пола. Дмитрий с удивлением и испугом осматривает ее.

Лентяи! лежебоки! Только есть!.. (*Ленивый голос плохо повинуется ему. Не докончив выговора, он умолкает.*)

Дмитрий. Ничего больше не изволите приказать?

Ласуков. Ступай.

Дмитрий уходит. Наступает тишина. Ласуков то закрывает, то открывает глаза, потягивается, зевает. Ветер продолжает выть, ставни скрипят, дождь стучит в крышу и окна.

Ветрогонов!

Является мальчик.

Ты что делаешь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Который час?

Мальчик (*уходит и возвращается*). Тридцать пять минут девятого.

Ласуков. Тебе хочется спать?

Мальчик. Хочется.

Ласуков. И если тебя пустить, ты вот так сейчас и заснешь?

Мальчик. Засну-с.

Ласуков. Поди вон.

Мальчик уходит.

Попробую-ка и я. (*Закрывает глаза и делает усилие заснуть.*) Нет! спать, кажется, хочется, а попробуй лечь, целую ночь глаз не сомкнешь — уж я испытал! Сонуля!

Является мальчик.

Подай Удина!

Мальчик приносит книгу. Ласуков берет ее и через минуту оставляет.

Вот и Удин советует не принимать решительных мер, пока болезнь не определится... А что же делать? (*Постепенно им овладевает неестественная зевота. Он зевает с вариациями и фиоритурами, вытягивая бесконечные а-а-а-о-о-о-у-у-у.*) Синебоков!

Является мальчик.

Который час?

Мальчик (*уходит и возвращается*). Сорок три минуты девятого! (*Уходит.*)

Тишина.

Ласуков. Токарев!

Является мальчик.

Подай станок!

Мальчик приносит небольшой токарный станок. Ласуков начинает пилить и строгать. Мальчик светит, стоя перед станком. Однообразное визжание подпилка скоро убаюкивает его. Он спит, слегка покачиваясь, натыкаясь животом на станок, толкает его. Ласуков дает ему щелчка и продолжает пилить. Постепенно рука его пилит слабее и слабее, наконец вовсе замирает над станком. Рука мальчика также ослабевает и раскрывается. Подсвечник с резким звоном падает на пол. Свечка гаснет. Мальчик вздрагивает и продолжает спать. Ласуков также вздрагивает, на минуту открывает глаза и, переложив голову со станка на подушку, также продолжает спать.

Занавес опускается

1848

ПРИМЕЧАНИЯ

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Поэма печаталась отдельными главами в последовательности их написания. Впервые — Пролог — «Современник», 1866, № 1, с. 5—12; Поп — «Отечественные Записки», 1869, № 1, с. 208—220; Сельская ярмонка — «Отечественные Записки», 1869, № 2, с. 567—577; Пьяная ночь — там же, с. 577—690; Счастливые — «Отечественные Записки», 1870, № 2, с. 563—582; Помещик — там же, с. 582—598; Последыш — «Отечественные Записки», 1873, № 2, с. 521—556; Крестьянка — «Отечественные Записки», 1874, № 1, с. 5—74; Пир на весь мир — «Отечественные Записки», 1881, № 2, с. 333—376. Поэма осталась незавершенной. Порядок следования частей не был окончательно определен самим поэтом, поэтому в разных изданиях он не один и тот же. В последнее время поэма печатается в порядке написания частей, он принят и в настоящем издании. Замысел поэмы относится к началу 1860-х гг., к тому рубежу двух эпох, когда кончалось крепостничество и в народном самосознании происходили значительные перемены. В рукописях содержатся наброски (стихотворные и прозаические), планы, которые позволяют утверждать, что произведение должно было охватывать еще больший круг событий и лиц. Крестьянам предстояло встретиться с чиновником, дойти до столицы, беседовать с министром, увидеть царя. В набросках осталась глава «Смертушка», действие которой происходит в разгар эпидемии сибирской язвы. Это была бы одна из самых трагических глав поэмы. По записи Некрасова, кроме крестьян в этой главе действуют: «...сторож, ветеринарный врач, на пикете офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник. После сцены сибирской язвы, под утро, среди этой обстановки — вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я покончиваю с тем

мужиком, который утверждал, что счастлив чиновник». Сохранилась и запись предполагаемого рассказа этого чиновника: «...грехи на тебе самые черные. Прежде думал: исполняю долг, закон — и спал спокойно. А тут не стало спаться. Пуще всего подати, подати да и мужицкие ваши преступления. Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы то ни стало к такому-то числу такую-то сумму очистить!.. Ну и едешь во все свое царство, в уезд, словно в воду опущенный,— знаешь, что везешь туда горе, слезы, и сколько этих слез и горя...» Поэма основана на широком жизненном материале. Современники поэта отмечали, что по «Кому на Руси жить хорошо» можно изучать «состояние русской души в эпоху шестидесятых — семидесятых годов». Произведение насыщено крестьянским фольклором: песнями, плачами, притчами, поговорками, загадками. Сказочен зачин поэмы: скатерть-самобранка, говорящая птица и сам мотив хождения за правдой, движущий поэму. В ряде случаев Некрасов прямо ссылается на записи русского фольклора, сделанные В. И. Далем, П. Н. Рыбниковым, Е. В. Барсовым, А. Н. Афанасьевым. Знаток народной речи, Некрасов включил в нее многое из того, что сам слышал от крестьян, «по словечку» собирал поэму двадцать лет, как вспоминал Г. Успенский.

Особенно выделяется обилием и разнообразием фольклорных материалов глава «Крестьянка». Некрасов здесь стремится, основываясь на подлинных народных плачах, причитаниях и песнях, показать судьбу русской женщины, увидеть ее жизнь глазами народа. В большинстве случаев поэт творчески перерабатывал фольклорный материал, лишь немногое вводя в поэму документально точно. Эта переработка была связана с идейной позицией автора и его художественными принципами, она обостряла социальную направленность народных произведений. Действие поэмы происходит в нескольких волостях Ярославской и Костромской губерний, хорошо знакомых Некрасову, в пределах которых и проходит все «странничество» семерых мужиков.

«Кому на Руси жить хорошо» — итоговое произведение Некрасова, в котором отразились многолетние размышления поэта о судьбах народа, о будущем России. Сестра Некрасова А. А. Буткевич рассказывала, что незадолго до смерти он говорил: «Одно, о чем сожалею глубоко, это — что не кончил свою поэму «Кому на Руси жить хорошо».

Часть первая. Дата завершения первоначальной редакции — 1865 г. В цензуре произведение получило неодобрительный отзыв. Цензор А. Лебедев писал в своем донесении: «В означенной поэме, подобно прочим своим произведениям, Некрасов остал-

ся верен своему направлению; в ней он старается представить мрачную и грустную сторону русского человека с его горем и материальными недостатками... в ней встречаются... резкие по своему неприличию места, на которые цензор считает нужным обратить внимание комитета с тем — не сочтет ли он нужным заявить об них Главному управлению по делам печати».

Пролог. *Семь временнообязанных.* Категория бывших помещичьих крестьян, освобожденных от крепостной зависимости Положениями 19 февраля 1861 г., но не переведенных на выкуп. Срок временнообязанных отношений установлен не был. За право пользования землей временнообязанные крестьяне несли прежние повинности: платили оброк или отрабатывали барщину своему прежнему владельцу — помещику.

Сова — замоскворецкая княгиня — т. е. купчиха.

Глава 1. Поп. *Больней того на новые // Деревни им глядеть.* Новые деревни строились на месте сгоревших. Тема деревенских пожаров была частой в творчестве Некрасова (см. стих. «Деревенские новости», «Пожарище», «Ночлеги. 2. На погорелом месте» и др.). *Какой ценой поповичем // Священство покупается.* Окончивший семинарию получал место священника лишь в том случае, если женился на дочери или родственнице попа, оставившего приход. Такой порядок сохранялся до 1869 г. *С кем встречи вы боитеся.* По суеверной примете, встреча со священником сулит несчастье. (Сравн. в «Коробейниках»: «Встрелось нам лицо духовное — хуже не было б греха».) *О ком слагаете // Вы сказки балагурные* и т. д. О таком же восприятии духовенства русским народом писал В. Г. Белинский в «Письме к Гоголю»: «...Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника... Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?». *Потом, статья... раскольники...* До 1864 г. раскольники (старообрядцы) находились под надзором и преследованием официальной церкви. Взятки в приходах, «где сплошь почти раскольники», составляли основную статью дохода священников. С 1864 г. постепенно восстанавливаются гражданские права раскольников. *Во́здухи* — вышитые покрывала или платки, применявшиеся в церковном обиходе. *За требу воздаяние* — плата священнику за совершение обряда (исповедь, соборование, крещение, венчание и др.). *Анафема* — проклятие.

Глава 2. Сельская ярмонка. *Никола вешний* — Николин день праздновался 9 мая, Никола зимний — 6 декабря. *Торговое село* — село с еженедельными базарами. *Шлык* — остроконечная шапка. *Штофные* — питейные лавочки (штоф — бутыль

водки в одну десятую часть ведра). *«Ренсковый погреб»* — магазин, торгующий виноградными винами. *Штаны на парнях плисовы.* Плис — хлопчатобумажный бархат. *С тех пор, как бабы начали // Рядиться в ситцы красные* и т. д. Распространение подобных слухов было зафиксировано газетной хроникой того времени. «Русская речь» в 1861 г. писала о том, что в «Вятской губернии прошла молва, что хлеба плохи оттого, что многие из крестьян и крестьянок носят рубахи и головные уборы из ситца, что бог за это прогневался, и, для умилостивления его, общества присудили отобрать у всех наряды из красного ситца, снести их в лес и закопать там в землю. Многие добровольно согласились на такую жертву и отдали свои наряды в полном убеждении, что красная краска для ситцев приготовляется из собачьей крови, и потому в одежде, сшитой из этого ситца, нельзя ходить в церковь. Сказано — сделано: наряды закопали в лесу, откуда сами проповедники их после украли. Узнав об этом, народ стал закапывать наряды, предварительно изрубив их, а другие продавали их за бесценок. Но явилось возражение, что вещь, приобретенная на деньги, полученные через продажу нечистой вещи, в свою очередь становится нечистою. Крестьяне стали портить свои ситцевые наряды и бросают их, в негодном к употреблению виде, в реки». *Петров день* — 29 июня — проводы весны. *Конная* — часть ярмарки, где торгуют лошадьми. *Косуля* — тяжелая соха или легкий плуг с одним лемехом, отваливающим землю только на одну сторону. *Изделием кимряков.* Кимры — в XIX в. село Тверской губернии (ныне город), центр кожевенно-обувного промысла. *Павлуша Веретенников.* Прототипом этого героя считали известного фольклориста П. И. Якушкина. Недавно выдвинуто предположение, что Некрасов имел в виду реальное лицо. П. Ф. Веретенников был публицистом газеты «Московские ведомости», автором ежегодных описаний Нижегородской ярмарки. *Офени* — коробейники, мелкие торговцы из крестьян, разносившие или развозившие свой товар по городкам, селам, деревням. *Статский* — штатский. *С Лубянки — первый вор!* В Москве Лубянская улица и Никольский рынок были центром оптовой торговли лубочными картинами и книгами. *Блюхер* — прусский фельдмаршал; своими решительными действиями в битве под Ватерлоо (1815 г.) способствовал окончательной победе союзных армий над войсками Наполеона. *Архимандрит Фотий* (П. Н. Спасский) — церковник, оказавший влияние на реакционную политику Александра I. Его высмеял в своих эпиграммах А. С. Пушкин. *Разбойник Сипко* — ловкий авантюрист, выдававший себя за разных лиц: австрийского графа Мошинского, богатого каменец-подольского помещика и т. д. Занимался

изготовлением фальшивых ассигнаций, паспортов, векселей. Суд над ним в 1860 г. вызвал ажиотаж в петербургской публике и прессе. *«Шут Балакирев» и «Английский милорд»* — сокращенные названия наиболее популярных в то время лубочных изданий: «Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого» и книги Матвея Комарова «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о бранденбургской марк-графине Фридерике Луизе». С резкой критикой этих и подобных им сочинений выступал в своих статьях Белинский. *Эх! эх! придет ли времечко* и т. д. В вариантах этих строк рядом с именами Белинского и Гоголя стояло имя Пушкина. В 1912 г. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию», касаясь вопроса о распространении в народе демократической литературы во время революции 1905 г., процитировал этот отрывок. *Хожалый* — полицейский солдат, служитель при полиции.

Глава 3. Пьяная ночь. *Победные головушки* — т. е. претерпевшие много бед, горемычные. *Акцизные чиновники* — служащие в акцизных управлениях. Эти управления осуществляли надзор за государственным производством и продажей спиртных напитков, ведали сбором питейного и некоторых других налогов в частной торговле. *Сударка* — любовница. *Сотский* — низший чин сельской полиции, выборный от крестьян. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, начальник стана, административно-полицейского подразделения в царской России. *На скалке тянутся.* Имеется в виду игра — соревнование в физической силе. *А есть еще губитель-тать // Четвертый, злей татарина* и т. д.— пожар. *Зажорина* — подснежная вода в яме. *Плетюха* — высокая плетеная корзина для травы или сена.

Глава 4. Счастливые. *Пажити* — луга, пастбища, выгоны, а также — пожитки, имущество, скарб. *Вертоград Христов* — рай. *Косушечка* — от «косушка» — мера жидкости, приблизительно 0,31 литра. *Олончанин* — житель Олонецкой губернии. *Пеун* — петух. *У князя Переметьева.* Намек на крупнейших землевладельцев России — Шереметьевых. В рукописи было:

У графа Шереметьева,
Светлейшего, первейшего...

Трюфели — растущие под землей грибы. *Кострика* — одеревеневшие части стеблей льна, конопли и пр. *Губонин* П. И.— один из богатейших людей России второй половины XIX в., владелец железных дорог. *Сиротская мельница* — сдаваемая в аренду Сиротским судом, который ведал делами опеки и попечительства. *Палата* — Казенная палата, учреждение в губернском городе, находившееся в ведении министерства финансов. *Присутствие* — правитель-

ственное учреждение, а также исполнение служебных обязанностей в нем. *Переторжка* — вторичные торги. *Целковик* (целковый) — рубль. *Лобанчик* — золотая монета с изображением головы царя. *Гривна медная* — монета ценностью в три копейки серебром. *Трешник* — копейка серебром (три с половиной копейки ассигнациями). *Семишник* — две копейки серебром (семь копеек ассигнациями). *Кутейник* — насмешливое прозвище лиц духовного звания. *Бурмистр* — староста. *Денник* — хлев, сарай. *Как бунтовалась вотчина // Помещика Обрубкова.* В год оглашения манифеста крестьянские волнения были особенно многочисленны, они были зафиксированы в 1176 имениях.

Глава 5. Помещик. *Венгерка с бранденбурами* — короткая куртка, украшенная толстым блестящим шнуром. Напоминала форму венгерских гусар; в России венгерки — щегольская одежда богатых охотников. *Борзовщик, выжлятник* и др.— охотничьи термины, см. в прим. Некрасова к стих. «Псовая охота». *Двунадесятый праздник* — один из двенадцати главных церковных праздников. *Бывало, дома скучно им* и т. д. Отходничество (промыслы в чужих краях) было вызвано, конечно, не «скукой», а малоземельем и скудостью урожаев, не дававшими возможности крестьянам уплатить оброк барину и прокормить семью. *Поляки пересыльные* — участники польского восстания 1863 г. Царское правительство выслало около 70 000 жителей Западного края, имевших отношение к восстанию, в губернии центральной и северной России и в Сибирь. *Посредники* — мировые посредники — выборные из местных дворян, занимавшиеся в связи с осуществлением крестьянской реформы упорядочением отношений между помещиками и их бывшими крепостными. *Дормез* — тяжелая дорожная карета со спальными местами.

Последыш. (Из второй части.) В конце наборной рукописи — дата завершения работы над «Последышем»: 5 января 1873 г. Глава была посвящена в первой публикации А. М. Унковскому — юристу, либеральному общественному деятелю, другу поэта. Публикация «Последыша» вызвала нападки со стороны цензуры. Цензор Лебедев докладывал в Главное управление по делам печати: «Означенное произведение <...> отличается от предыдущих пьес крайним безобразием содержания и, не имея никакого литературного и художественного достоинства, носит характер пасквиля на все дворянское сословие. <...> Принимая во внимание, что в стихотворении «Последыш» поэт хотел представить в мрачном свете и отталкивающем виде не только прежних дворян, владельцев крепостными, но и настоящих, так как молодые наследники представлены им также бесчестными и не сдерживаю-

щими данного слова, и этою картиною дать почувствовать читателю, насколько нравственнее благородного сословия простой народ, цензор приходит к такому заключению, что означенное стихотворение может служить возбуждением антагонизма между высшим и низшим классами общества и составляет оскорбление для дворянского сословия». *Петровки* — время поста перед Петровым днем (29 июня). *Шапка белая, // Высокая, с околышем // Из красного сукна* — дворянская форменная фуражка. *Исправник* — начальник уездной полиции. *Установили грамоту.* Уставная грамота — документ, которым определялись отношения между помещиком и его крепостными после реформы 1861 г. *«Положение»* — «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», законодательные акты 1861 г. *Фалетур* (форейтор) — при запряжке лошадей гусем, т. е. одна за другой, сидящий на одной из передних лошадей и управляющий ею. *Хазовый* (казовый) — конец ткани в куске, лучше выделанный, выставляющийся напоказ. *Луга поемные* — расположенные в пойме реки, особо ценимые. *Притолока* — верхний брус в дверях. *Георгия Победоносца крест* — военный орден. *Ундер* (унтер)-офицер, младший офицерский чин в царской армии. *Светопреставление* — в христианских вероучениях конец, гибель мира. *Питерщик* — человек, бывавший в Питере (Петербурге), скорее всего уходивший туда на отхожие промыслы или работы. *Простяк* — водка. *Курьерская подорожная* — документ, по которому курьеры могли получать на почтовых станциях лошадей вне очереди. *Доднесь* — доныне.

Крестьянка. (Из третьей части.) В основной своей части глава написана летом 1873 г. за границей. Осенью — зимой того же года Некрасов подверг ее значительной переработке. «Крестьянка» получила в русской критике многочисленные и противоречивые оценки. Так, критик В. П. Буренин писал в газете «Санкт-Петербургские ведомости» о том, что: «Излишнее усердие поэта в изображении ужасных бедствий «русской женской долюшки» и голая, искусственная обработка пикантной гражданской темы сообщают ей общий холодный и местами даже неприятный колорит и непомерную растянутость». Некрасова обвиняли в «грубом натурализме», «скуке и деланности». В сочувственных отзывах отмечался «оригинальный склад» поэмы, «чисто народный юмор», «яркие и живые картины, от которых веет прочувствованным горем». Автор статьи о русской журналистике в 1874 г., напечатанной в газете «Биржевые ведомости», после анализа «Крестьянки» обобщал: «Новые произведения Некрасова выдаются слишком высоко перед остальными оригинальными произведениями нашей поэзии за нынешний год».

Пролог. *Прусак* — рыжий таракан.

Глава 1. До замужества. *День Симеона* — летопроводца — 1 сентября. *Бурушка* — конь бурой масти. *Наян* — нахал. *Гарнитур* (гродетур) — шелковая ткань.

Глава 2. Песни. *Екатеринин день* — 24 ноября. *Коты* — теплая женская обувь. *Корчага* — большой глиняный горшок или чугун. *Благовещенье* — 25 марта, церковный праздник. *Казанская* — день Казанской божьей матери отмечался два раза в году: 8 июля и 22 октября, здесь имеется в виду второй праздник.

Глава 3. Савелий, богатырь святорусский. *По сказкам, сто годов.* По ревизским сказкам, т. е. по переписям помещичьих крестьян. *Аника-воин* — фольклорный герой, богатырь непомерной силы, любивший похвастать ею, он оказывается робким и бессильным в борьбе со смертью. Образное обозначение пустохвала. *Доля... // Богатыря сермяжного!* Сермяга — грубое, некрашеное сукно домашнего изготовления, а также — одежда из него. *Досюльные* — прежние. *Рогатина* — охотничье оружие для охоты на медведя. *Травник* — водка, настоянная на травах. *Подоплека* — подкладка. *Под Варною убит.* В 1828 г. во время русско-турецкой войны под Варной (сейчас крупный город в Болгарии) шли ожесточенные бои. *Илья-пророк // По ней гремит-катается.* По библейской легенде, Илья-пророк живым вознесся на небо на огненной колеснице. Поэтому гром и молния в народном сознании ассоциировались с этим образом.

Глава 4. Демушка. *Налой* — высокий церковный столик с наклонной верхней доской для иконы или книги. *Новина* — кусок домотканого небеленого холста. *Благочинный* — священник, осуществлявший надзор над несколькими приходами и их священниками. *Ярый воск* — светлый, побелевший. *Камчатная скатерть* — льняная узорчатая скатерть, по рисунку похожая на камку (старинная шелковая ткань).

Глава 5. Волчица. *Спас.* Три церковных праздника: Спас «медовый» — 1 августа (летний сбор меда), Спас «яблочный» — 6 августа, срывали и ели спелые яблоки, Спас «хлебный» — 16 августа, сбор зерна. *Песочный монастырь* — Богородицкий Игрицкий Песошенский мужской монастырь, расположен был при реке Песошне, протекавшей на юго-западе Костромской губернии.

Глава 6. Трудный год. *Теперь уж я не дольщица и т. д.* Если мужчина-работник умирал или уходил в солдаты, его жена и дети лишались части земельного надела, которым владели раньше. Надел выделялся не по числу душ, а хозяину — работнику на земле. Семья ушедшего кормильца была обречена на нищен-

ство и вымирание. *Деревиночка* (диал.) — срубленное дерево, бревно, колода.

Глава 7. Губернаторша. *Колотырники* — перекупщики. *«Чей памятник?» — «Сусанина».* Памятник национальному герою, крестьянину-патриоту Ивану Сусанину. Был установлен в 1851 г. в Костроме, создан по проекту скульптора В. И. Демут-Малиновского. Этот старый памятник не сохранился, новый, воздвигнутый в 1967 г., не повторяет его. *Шандал* — подсвечник.

Глава 8. Бабья притча. *У гроба Иисусова // Молилась.* Гроб Иисуса Христа, по преданию, находился в Иерусалиме. *На Афонские // Всходила высоты.* На горе Афон (в Греции) расположена группа древних православных монастырей. *В Иордань-реке купалася.* По легенде, в Иордане (Палестина) крестился Иисус Христос.

Пир на весь мир. Над рукописью этой главы Некрасов работал осенью 1876 г. Поэт предполагал опубликовать ее в ноябрьской книжке «Отечественных Записок». Но по требованию цензора Лебедева этот номер журнала был арестован. В своем отзыве цензор писал: «Находя все стихотворение «Пир на весь мир» крайне вредным по своему содержанию, так как оно может возбудить неприязненные чувства между двумя сословиями, и что оно особенно оскорбительно дворянству, столь недавно пользовавшемуся помещичьими правами, цензор полагает ноябрьскую книжку «Отечественных Записок» на основании закона 7 июля 1872 г. подвергнуть аресту». Опасаясь ареста всей книжки журнала, Краевский распорядился вырезать из нее «Пир на весь мир». Смертельно больной Некрасов переделывает главу и вновь пытается опубликовать ее в декабрьском и январском номере «Отечественных Записок». Для этого он, по собственному признанию, «принес некоторые жертвы цензору»: сократил отдельные фрагменты и сделал вставки, прославляющие реформаторскую деятельность Александра II. Но даже в таком искаженном виде при жизни Некрасова глава света не увидела. Впервые «Пир...» был опубликован нелегально в народнической типографии в 1879 г., но широкому читателю оставался недоступным. Лишь в 1881 г. редакции «Отечественных Записок» удалось напечатать главу с большим количеством цензурных купюр и искажений. *Сергей Петрович Боткин* — выдающийся русский ученый, врач, лечивший Некрасова. Будучи лейб-медиком (т. е. врачом членов царской фамилии), Боткин пытался добиться разрешения напечатать «Пир», обратившись к самой царице. Однако и это оказалось безрезультатным. *Вахлачина* (от вахлак) — глупый, нерасторопный мужик. *Смоло-*

кур — занимающийся смолокурением — переработкой древесины, дающей смолу и деготь.

1. Горькое время — горькие песни. *Земский суд* — уездный суд, который занимался охраной тишины и спокойствия, приведением в исполнение распоряжений правительства, торговой полицией, делами по отбыванию различных повинностей, разбирательством незначительных проступков, исков и т. п. В 1862 г. земские суды были упразднены. *Постой* — стоянка военных или чиновников у крестьян в порядке повинности, бесплатно. *Запятки* — место позади экипажа для лакея — *выездного*. Про холопа примерного — Якова верного. В основе этого рассказа лежит действительный факт, о котором Некрасов узнал от А. Ф. Кони. *Долгушка* — повозка на длинном ходу. *Чугунка* — железнодорожный поезд. *Прасол* — скупщик.

2. Странники и богомольцы. *«Слезки богородицы»* — образное название круглых семян огородного растения, которые употреблялись для четок. *Тройцы-Сергия* — Троице-Сергиева лавра, монастырь, находится под Москвой. *Ложкой собственной, // С рукой благословляющей* — ложка, на черенке которой вырезаны пальцы, сложенные для крестного знамения. *Быль афонскую.* Рассказ о восстании греков против турок в 1821 г., в котором приняли участие и афонские монахи. Восстание было жестоко подавлено. *Инок* — монах. *Соловки* — просторечное название Соловецкого монастыря, расположенного на одном из больших Соловецких островов (в Белом море). С XVI в.— место ссылки.

3. И старое и новое. *Аммирал* — адмирал. *Под Очаковым бился с туркою.* Имеется в виду морской бой под Очаковом в 1788 г., окончившийся блистательной победой русского Черноморского флота над турецкой эскадрой. *Иудин грех.* По евангельским легендам, один из апостолов — Иуда — за тридцать сребреников предал своего учителя Христа, который принял мученическую смерть — распятие. Грех Глеба-старосты уподобляется Иудину греху, т. е. самому страшному христианскому греху. *Волостной* — волостной старшина, под наблюдением которого осуществлялись наказания по приговору волостного суда, в том числе и наказание крестьян розгами. Волостные суды возникли в 1861 г. для решения мелких гражданских и уголовных дел в крестьянской среде. *Пещур* — корзина, мешок, кошель для переноски мелких вещей, сена, хлеба и т. д. *Новорситет* — университет. *«Коли всем миром веleно: // Бей! — стало, есть за что!»* В основу этого эпизода положены реальные события, которые могли быть известны Некрасову из статьи П. И. Якушкина «Бунты на Руси» и из устных рассказов. Сестра поэта А. А. Буткевич вспоминала: «В 74 году

я провела лето с братом в бывшем его имении Ярославской губ., в селе Карабихе. Не могу сказать наверно, сам ли исправник или один из акцизных чиновников рассказывал при мне брату о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что, ничего не делая, одевался щеголем и имел всегда деньги,— вот они добрались откуда и, сообразив, что это за птица,— заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он появлялся, его били по наказу. Помнится, что история эта кончилась трагически». *Раек* — ящик с увеличительными стеклами, через которые рассматривали картинки, склеенные в виде ленты. Владелец райка (раешник) обычно сопровождал этот показ шуточными или сатирическими пояснениями (присловиями). *А коли семь-то рубликов // Платить* и т. д. В 1868 г. была повышена плата за проезд по железным дорогам. *Георгий* — Георгиевский крест — знак отличия военного ордена, учрежденный в 1807 г. как высшая награда для солдат и унтер-офицеров. *Комитет раненых* — Александровский Комитет о раненых, образован в 1814 г., ведал назначением пенсий героям и инвалидам войн.

4. Доброе время — добрые песни. *Дольний* — земной. *«Ты и убогая, // Ты и обильная...»* и т. д. Эти строки В. И. Ленин процитировал в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и предпослал в качестве эпиграфа статье 1918 г. «Главная задача наших дней».

СОВРЕМЕННИКИ

Впервые: часть 1 — «Отечественные Записки», 1875, № 8, с. 325—340, часть 2 — «Отечественные Записки», 1876, № 1, с. 1—52, с цензурными купюрами. Перепечатано в сборнике «Последние песни», вышедшем вскоре после смерти Некрасова, с рядом цензурных исключений и стилистической правкой отдельных строк. Две сцены («залы») Некрасов пропустил, публикуя «Современников» в журнале. Вот они:

<Литератор>

Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.
Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.

Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,
И к Шекспиру приравняли,
И Гомером нарекли...

Что же вышло? Друг искусства
Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,

Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить»,—
Скромно молвил юбиляр.

И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
Что льстецы пришли в конфуз!

Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна

Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила!.. Точно: гений,
Да притом — и века сын:

Что за радость быть педантом,
Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить?..

«Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане»,— гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок.— «Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши! степенней,
Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Агитаторов-глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы —
Распростерли им объятья,
Уготовили венцы!
Всюду — страшно молвить даже! —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша! на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать,

Заблуждается родитель —
И родителя попять!..
Блага жизни вам дадутся,
Лишь нейдите по стопам
Тех, кто дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенье
И — изгнанье без конца...»

Замысел поэмы относится к середине 1860-х гг., когда Некрасов работал над большим сатирическим циклом. Поэма «Современники» — завершающее и вершинное произведение сатирической поэзии Некрасова. В ней поэт создал яркую картину капиталистического хищничества и всевластия финансовой буржуазии в пореформенной России. Факты и лица, описанные Некрасовым в поэме, подлинные, но, конечно, художественно типизированные. Некоторые прототипы были раскрыты самим автором в рукописях. Еще больше их было обозначено, по свидетельству современников, в печатном экземпляре поэмы, принадлежавшем поэту. Источниками для событийной основы поэмы послужили личные наблюдения Некрасова, сообщения прессы, сведения, которые поэт получал от людей, близких редакции «Отечественных Записок», занимавших иногда высокие государственные посты, от корреспондентов журнала. После опубликования первой части цензор Н. Е. Лебедев докладывал в цензурное ведомство: «Стихотворения же под общим заглавием «Современники» ... кажутся мне предосудительными в том отношении, что в них осмеиваются юбиляры, признанные правительством заслуживающими такого чествования, так как оно удостоило их арендами и другими наградами». Некоторые критики (Скабичевский, Буренин и др.) также пытались свести содержание первой части поэмы к протесту против «страсти к юбилеям», в то время как для Некрасова главным было показать подлинное лицо современных ему «триумфаторов», «рыцарей» наживы и коррупции, продажных правительственных чиновников, процветающих за счет эксплуатации народа. Опубликование второй части вызвало многочисленные критические отклики. Некрасова упрекали в «фотографическом отражении текущей жизни», в слишком «частном» характере изображенных эпизодов, тем самым стараясь преуменьшить обобщающее значение сатиры, свести ее к злободневному фельетону. Но демократическая критика высоко оценила общественное и художественное звучание «Современников», особо отмечая «неподкрашенное изображение», т. е. глубокий реализм поэмы. М. Е. Салтыков-Щедрин писал Некрасову: «...поэма поразила меня

своею силою и праздою, например, картина Кокоревых <т. е. Саввы Антихристова>, тянущих бечеву и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходно), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено».

Часть первая. Юбиляры и триумфаторы. «*Бывали хуже времена, // Но не было подлей*» — перефразированная цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (псевдоним — В. Крестовский) «Счастливые люди»: «Были времена хуже — подлее не бывало» — опубликованного в «Отечественных Записках» (1874, № 4). *Зоил* — завистливый и мелочный критик (по имени древнегреческого ритора Зоила, придирчиво критиковавшего «Илиаду» и «Одиссею»). *Аренда* — здесь: один из видов награждений за государственную службу. *Дюссо* — один из самых роскошных ресторанов Петербурга, названный по имени владельца. *Юбиляр-администратор* — вероятно, речь идет о генерал-губернаторе. *Аргус* (миф.) — стоокий великан, которому богиня Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную в корову. Нарицательно: бдительный страж. *Герою подносили // Магницкого портрет.* Предполагают, что речь идет о министре народного просвещения, «гонителе литературы» и душителе революционного движения среди студенчества графе Д. А. Толстом. Его имя в революционно-демократической публицистике часто соседствовало с именем мракобеса М. Л. Магницкого, занимавшего при Александре I пост попечителя Казанского учебного округа и предлагавшего закрыть Казанский университет. *Кадеты* — воспитанники кадетских корпусов, средних военно-учебных заведений. *Жюдик* А.— парижская опереточная певица, выступавшая в петербургском театре Опера-буфф в сезон 1874—1875 гг. Ее поклонники, круг которых, по свидетельству журналиста А. С. Суворина, составляли «выжившие из ума старики» и «хлыщеватая, тоже бедная мозгами юность», преподнесли ей подарки стоимостью в сорок тысяч рублей. *Аничков* В. М.— генерал-майор, состоявший при военном министре, и *Мордвинов* Д. С.— генерал-адъютант, начальник канцелярии военного министерства, были изобличены во взяточничестве. *Милютин* Д. А.— в 1861—1881 гг. военный министр и военный историк, чья деятельность по проведению в армии реформ вызвала недовольство со стороны реакционеров. *Карбонарий* — член революционной политической организации в Италии. Движение карбонариев в 1820—1821 гг. приняло характер революции в Неаполе, Пьемонте и Папской области. В русской литературе XIX в. понятие «карбонарий» употреблялось в значениях «рево-

люционер», «вольнодумец». *Первоприсутствуя в сенате.* В каждом департаменте правительственного сената (высшего судебно-административного учреждения Российской империи) из числа сенаторов на один год назначался первоприсутствующий, т. е. председатель. *Поверив превосходству // Швейцарских, английских пород* и т. д. В 1860—1870 гг. дискутировались вопросы о целесообразности выписывать скот из-за границы, о продуктивности отечественных пород. Некрасов высмеивает эти споры, так как очевидно, что причина неразвитости скотоводства в другом: обнищалым крестьянам нечем было кормить скотину. *Казенная палата* — учреждение, находившееся в губернском городе и бывшее в ведении министерства финансов. *Зала № 8.* Считается, что речь идет в этой главе о Н. И. Путилове, крупном промышленнике, основателе Путиловского завода в Петербурге (ныне Кировский завод). Во время Крымской войны и после нее принадлежащие Путилову заводы выполняли военные заказы. Во второй части поэмы Путилов выведен под именем — Ладьин. *Господин Ветхозаветный. // Говорит <...> // Отозвался и Тяпушкин.* По свидетельству П. А. Ефремова, «именуемый здесь Тяпушкин — это Слепушкин, рекламировавшийся тогда М. И. Семевским. Зосимою Терентьевичем Ветхозаветным именуется здесь М. И. Семевский». Это подтверждается рукописями поэмы, где действительно встречаются имена Слепушкина и Семевского. Слепушкин Ф. Н.— поэт, выходец из крестьян, впоследствии ставший купцом и заводчиком, писал преимущественно идиллии. Белинский резко отозвался о поэзии Слепушкина, считая ее декоративной и лживой и отмечая, что крестьяне у него «похожи на тех крестьян и крестьянок, которые пляшут в дивертисментах на сцене театра». Семевский М. И.— историк, журналист, редактор журнала «Русская старина». *Миша* — М. Н. Лонгинов, библиограф, историк литературы, в 1850-е гг.— человек, близкий редакции «Современника», позднее перешел на реакционные позиции, что особенно явно проявилось в первой половине 1870-х годов, когда Лонгинов был начальником Главного управления по делам печати. *Бартенев П. И.*— историк, редактор журнала «Русский архив». *И Ефремов зашипит.* Ефремов П. А.— библиограф и историк литературы. В 1870-х гг. у него установились дружеские отношения с Некрасовым. *Но заметку сам Тургенев // В «Петербургских» поместит.* В 1870-х гг. Тургенев, живший за границей, часто посылал в русские газеты и журналы открытые письма. Одно из них, опубликованное в газете «С.-Петербургские ведомости» 8 января 1870 г., могло быть особенно памятно Некрасову, так как содержало резкие выпады против критического отдела «Отечественных Записок» и против поэзии

самого Некрасова. *Хоть и служишь мертвецам* и т. д. Гротескная образность подглавки «Зала № 9» направлена против мертвой, оторванной от жизни науки. *Марсал* — вино. *Ты не дрогнул перед бездной*. Намек на жестокое подавление крестьянского восстания в селе Бездна Казанской губернии, где крестьяне отказались признать подлинность царского манифеста об «освобождении». Руководил карательными действиями граф А. С. Апраксин. Позднее «Отечественные Записки» опубликовали статью Н. А. Демерта, в которой он писал: «Факт почти невероятный, но однако же верный: после Бездинского «увечья», в ознаменование радости по этому случаю, крупные и именитые губернские землевладельцы устроили торжественный обед, говорили торжественные, приличные случаю спичи, запивая их шампанским» (1869, № 9). *Татарин* — здесь: официант. *Благотворителей посредством лотерей* и т. д. В программах «народных праздников», устраиваемых благотворительными обществами, были лотереи в пользу «неимущих». Подобные мероприятия получили широкое распространение в 1870-е годы и приносили устроителям немалый доход. А. С. Суворин в 1874 г. писал по этому поводу: «Госпожи-благотворительницы получили вкус к коровам, доить которых они не умеют, но доить посредством коров народ выучились». *Гастрономы*. Н. К. Михайловский в книге «Литературные воспоминания и современная смута» рассказывает: «В начале семидесятых годов в Петербурге существовало какое-то гастрономическое общество. Оно устраивало обеды, куда знатоки гастрономического дела, люди, конечно, богатые и избалованные, а также известные столичные рестораторы поставляли — кто одно блюдо из своей кухни, кто другое, кто одно вино из своего погреба, кто другое. Все это серьезнейшим образом смаковалось и сообща обсуждалось; ставились даже баллы за кушанья и вина».

Часть вторая. Герои времени. *Шкурин*.— В жизненной истории Шкурина отразились черты биографии П. И. Губонина, выходца из крепостных, нажившего огромный капитал на постройке железных дорог. *Чуйка* — длинный суконный кафтан, армяк. *Савва Антихристов*. Прототипом Антихристова был В. А. Кокорев, ставший миллионером на винном откупе и банковско-финансовых спекуляциях. Позднее вместе с Губониным занимался железнодорожным строительством. Некрасов писал о нем в «Медвежьей охоте»: «Откупщик, кабачный гений». Кокорев часто выступал с речами либерально-славянофильского характера. В 1860 г. об его хищничестве писал Добролюбов в статье «Опыт отучения людей от пищи». *Сняли мы линию* — т. е. получили подряд на строительство железнодорожной линии. *Зацепа*. В образе

Григория Аркадьевича Зацепина отразились черты деятельности Н. Н. Сущова, известного тогда «плутократа» (так называли разбогатевших биржевых и железнодорожных дельцов). *Писклива была его речь.* Намек на то, что меняло — скопец. *Утин Е. И.* — адвокат и либеральный публицист, здесь иронически сравнивается с Ермоловым — полководцем и публицистом, героем 1812 г. *Образец непроходимых // Государственных нерях!* — адмирал Посьет, назначенный в 1874 г. министром путей сообщения. Его назначение вызвало неудовольствие в обществе и прессе. *Прежний много лучше был.* Речь идет о предшественнике Посьета на посту министра — графе А. П. Бобринском. *Адепты севера и юга* — сторонники разных направлений строительства проектируемой тогда Сибирской железной дороги. Южное направление предполагалось вести через Казань, северное — через Вятку. *Постлать соломки* — дать взятку. *Современный Митрофан* — А. М. Варшавский, крупный железнодорожный делец. *Душкина* — актриса Александринского театра. *Радина* — солистка балета. *На французском масле* и т. д. Об И. А. Варгунине, крупном дельце. *Слыл умником и в ус себе не дул* и т. д. Об А. П. Бобринском (см. о нем выше). *На Литейной такое есть здание* и т. д. На Литейной улице (ныне Литейный проспект в Ленинграде) находились Высшая судебная палата и окружной суд. *Игуменью — честную Митрофанью?..* Настоятельница монастыря Митрофания (в миру — баронесса П. Г. Розен) была привлечена в 1874 г. к суду за мошенничество, подделку документов, а затем выслана в Сибирь. Этот процесс широко обсуждался в прессе и был использован реакционной печатью для нападок на послереформенные судебные учреждения. *Вот — сыноубийца!* и т. д. Речь идет о прусско-австрийской войне 1866 г., в которой Австрия потерпела поражение. *Суетливый коммерсант* — Ф. П. Баймаков, банкир, купивший газету «С.-Петербургские ведомости» и давший ей коммерческое направление. *Тиблен Н. Л.* — издатель и книгопродавец. В 1868 г. сбежал за границу, оставив большие долги. *Моряк на суше* — К. Н. Посьет (см. о нем выше). *Генкель В. Е.* — руководитель книжной фирмы «А. Смирдин и К°», сбежавший за границу в 1872 г. *Гоппе Г. Д.* — издатель; не зная русского языка, выпускал в России массовые периодические издания. *На уме чины да куши* и т. д. Речь идет о С. С. Полякове, богатом железнодорожном дельце и финансисте. За большую сумму он купил у министра почт и телеграфов И. М. Толстого участок никуда не годной земли. Эта покупка была замаскированной взяткой, за которую И. М. Толстой помог Полякову разбогатеть на железнодорожном строительстве. *Граф Давыдов, князь Лобанов // В центре этого*

кружка. Граф Орлов-Давыдов В. П. и князь Лобанов-Ростовский Н. Б. выступали на съезде петербургских дворян (1875 г.) с проектами «всесословной волости», возвращающей дворянам те полицейские права, которыми они обладали при крепостном праве. *Гнейст Р.*— немецкий реакционный публицист. *Гедимин* — великий князь литовский, родоначальник многих княжеских родов. *Вот москвич — родоначальник // Этой фракции дельцов.* Речь идет о сотрудничестве нескольких видных профессоров высших учебных заведений с финансовой буржуазией. *Москвич* — И. К. Бабст, в прошлом — ученик Грановского, сотрудник «Современника», профессор политической экономии в Казанском и Московском университетах, он сменил кафедру на место управляющего Купеческим банком. *Искандер* — А. И. Герцен. Дружеские отношения связывали Бабста и с Н. П. Огаревым. *Вот другой...*— И. А. Вышнеградский, ученый, профессор механики, директор петербургского Технологического института, принимал активное участие в ряде акционерных обществ. Был поверенным в делах дельца И. С. Блиоха, впоследствии стал министром финансов. *Бутовский* А. И.— экономист и директор департамента мануфактур министерства финансов. *Фидий* — знаменитый древнегреческий скульптор. *Антокольский* М. М. — скульптор. *«Гарантию» и «субсидию».* Правительство гарантировало предпринимателям определенный доход на строящихся железных дорогах и субсидировало это строительство. *Моршанские скопцы.* В 1869 г. был судебный процесс над моршанскими сектантами-скопцами. *Решпект* — уважение. *Так шествовал в Россию «Монитор».* Речь идет о броненосце «Миантономо», который в составе американской эскадры в 1866 г. прибыл в Кронштадт, чтобы поздравить Александра II со спасением от покушения Каракозова. *Эдуард Иваныч Грош* — в этом образе отразились черты министра финансов М. X. Рейтерна и преуспевающего дельца М. И. Кази, грека по происхождению. *Новый гость явился* и т. д. Вероятно, речь идет о Е. И. Ламанском, директоре Государственного банка. *Плотицын* М. К.— миллионер, глава секты скопцов. *Нужно выждать: не созрели.* Намек на ставшую летучей в русской публицистике фразу Ламанского «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных дел (см. прим. Добролюбова к стих. «Дружеская переписка Москвы с Петербургом»). *Экс-писатель бледнолицый // Появился, Пьер Кульков.*— П. М. Ковалевский, писатель и художественный критик, в 1870-е гг. также занимался коммерческой деятельностью. Ковалевский узнал себя в поэме Некрасова и ответил эпиграммой: «Экс-писатель бледный // Смеет Вас просить...» и т. д. *Фон Руге.* Прототипом этого образа был фон Дервиз — делец,

наживший миллионы на строительстве Рязано-Козловской железной дороги, после чего он уехал в Италию и построил там для себя великолепную виллу. *Сестербек* — Сестрорецк. *Нужен порт ... на Черной речке!* Проект постройки коммерческого порта в Петербурге, близ своего завода, вынашивал крупный промышленник Н. И. Путилов. В воспоминаниях современников приводятся его слова о том, «что если Петр Великий «прорубил окно в Европу», то он портом своим прорубит дверь». *Металлических заводов // С пивоваренным котлом.* Для оборудования металлических заводов в Россию разрешалось беспошлинно ввозить железо. В целях спекулятивной торговли железом некоторые дельцы сооружали фиктивные заводы. В рукописи Некрасова есть об этом прозаическая запись: «В Любани — металлический завод, где ни трубы, ни железа. Снял котел от пивоваренного завода — тогда пользуется правом беспошлинного железа, которое продает раньше, чем оно дойдет до места». *Эфруси* — банкир. *Миллионщик-мукомол* — Овсянников С. Т., петербургский хлеботорговец, осужденный в 1875 г. за поджог арендованной им мельницы; отличался показным благочестием. *Швабс* — И. К. Бабст (см. о нем выше). *Володя Перелешин.* При создании этого образа Некрасов, возможно, имел в виду либерального адвоката князя А. И. Урусова. В качестве защитника он участвовал в Нечаевском процессе и за произнесенную тогда речь был выслан из Петербурга. Позднее Урусов написал верноподданническое письмо царю, что помогло ему вернуться к адвокатской карьере. *Граф Твердышов* — князь П. Н. Трубецкой, построивший на «земские» деньги железную дорогу от Осташевской станции до города Торжка длиною в 32 версты. *До переписки Гоголя с друзьями.* Речь идет о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой он отрекался от своих лучших произведений и впадал в покаянный тон. *Мишле Ж.* — французский историк демократического направления. *Кине Э.* — французский историк и политический деятель. В то время «Отечественные Записки» писали о Мишле и Кине как о борцах за республику, противниках монархии и духовенства. *На спине туза бубнового // Мы увидим.* На спину халата каторжника пришивался красный или желтый суконный четырехугольный лоскут, который получил образное название «бубновый туз».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ 1875—1877

С<алтыко>ву (При его отъезде за границу). Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 4, с. 417, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Вторая и третья строфы

написаны Некрасовым раньше, в 1867 г.; первоначально ими оканчивалась стихотворная повесть «Суд». Некрасова и Салтыкова-Щедрина связывали многолетние дружеские отношения и журнальная работа сначала в «Современнике», затем — в редакции «Отечественных Записок». В декабре 1874 г. Салтыков серьезно заболел, простудившись на похоронах своей матери. 12 апреля 1875 г. он выехал для лечения за границу. Сохранилась визитная карточка Некрасова с надписью: «<Н. А. Некрасов> просит к себе обедать в субботу, 5 ч., проводы Салтыкова за границу». Состояние здоровья Салтыкова продолжало оставаться тяжелым, и это внушало тревогу Некрасову. 27 апреля 1875 г. он писал П. В. Анненкову, находившемуся тогда в Баден-Бадене с семьей Салтыковых: «Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-чтожает. С доброй лошадью и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко; Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему <...> Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Салт<ыкова>. Прочтите их ему, когда ему будет полегче». Анненков ответил Некрасову 2/14 мая 1875 г.: «Милые Ваши стихи я ему прочту. Мазь эта подействует на него не хуже, т. е. гораздо лучше мазей, которыми он теперь уснащает больные свои члены,— так полагаю».

Как празднуют трусу. Впервые — «Жизнь», 1898, № 1, с. 3, без заглавия. Известно, что Некрасов пытался опубликовать это стихотворение в газете А. С. Суворина «Новое время».

Что нового? Впервые — «Заветы», 1913, № 6, с. 32. Трудность прохождения стихотворения через цензуру понимал сам поэт. Посылая его среди других своих стихов Суворину, Некрасов писал: «И вот еще стихи, совсем неудобные».

Плутосократия — плутюкратия, разбогатевшие дельцы.

Молодые лошади. Впервые — «Новое время», 1876, 25 апреля, в составе цикла «Из записной книжки». Стихотворение построено на аллегории, в нем говорится о борьбе русской молодежи.

Праздному юноше. Впервые — «Новое время», 1878, 1 января, под заглавием «Праздному» и без последней строфы.

Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»). Впервые — «Последние песни», 1877, с. 17. *Зина* — жена Некрасова, Зинаида Николаевна. Настоящее ее имя — Фекла Анисимовна Викторова. Некрасов познакомился с ней в начале 1870 г., оформил брак уже во время предсмертной болезни у себя на квартире. На книге своих стихотворений, подаренной Зинаиде Николаевне, поэт сделал надпись: «Милому и единственному другу моему Зине». Ей Некрасов посвятил поэму «Дедушка» и еще два стихотворения, также названные «Зине».

Зине («Двести уж дней...»). Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 279, с датой: «4 дек. 1876, ночь», в цикле «Последние песни». Зинаида Николаевна, жена поэта (см. прим. к предыдущему стих.) самоотверженно ухаживала за смертельно больным Некрасовым. В. Е. Евгеньев-Максимов в 1914 г. записал с ее слов рассказ об этих днях: «Столько пришлось перенести тогда, что в пять-шесть месяцев на несколько лет серьезней и старше стала. Боже! как он страдал, какие ни с чем не сравненные муки испытывал. Сиделка была при нем, студент-медик неотлучно дежурил, да не умели они его перевязывать, не причиняя боли. «Уберите от меня этих палачей!» — не своим голосом кричал муж, едва прикасались они к нему. Все самой приходилось делать... ...Чтобы поободрить его среди нечеловеческих страданий, веселые песенки напеваю. Душа от жалости разрывается, а сдерживаю себя, пою да пою...» П. М. Ковалевский вспоминал, что «по истечении этих двухсот дней и ночей она из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху с желтым лицом и такою осталась». Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Друзьям. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 282, в цикле «Последние песни».

Сеятелям. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 278, в составе цикла «Последние песни». Аллегорический образ сеятеля встречался и раньше в поэзии Некрасова. В поэме «Саша»: «А остальное все сделает время. // Сеет он все-таки доброе семя!». В демократической поэзии стихотворение вызвало множество подражаний и переделок. *Кошница* — корзина. Положено на музыку (Ц. А. Кюи и др.).

Молебен. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 278—279, в цикле «Последние песни». При жизни Некрасова печаталось с цензурной купюрой, строки: «*Об осужденных в изгнание вечное. // О заточенных в тюрьму*» — были заменены строками точек. Положено на музыку (Ц. А. Кюи и др.).

Музе. Впервые — «Последние песни», 1877, с. 18.

Вступление к песням 1876—77 годов. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 277—278, под заглавием «Вступление», в цикле «Последние песни». Первоначальное название в рукописи «Музе». Восторженно отзывался о книге «Последние песни» и, в частности, об этом стихотворении, Н. Г. Чернышевский.

Отрывок. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 278, в цикле «Последние песни». Из части тиража журнала стихотворение было изъято. Написано в период, когда «хождение в народ» как общественное движение обнаружило свою несостоятельность, а новая революционная тактика еще не была найдена.

Старость. Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 4, с. 418, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова» с измененным по цензурным причинам последним стихом: *«В созерцаньи безмерных страданий»*.

Приметы. Впервые — «Заветы», 1913, № 6, с. 36. Написано во время массовых арестов и политических судебных процессов над народниками, когда *«старушки бледные»* — матери арестованных — снимали квартиры близ Петропавловской крепости.

Приговор. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 2, с. 532. В первоначальной редакции стихотворение было написано от первого лица, последняя строфа имела вид:

Погоди, о росс! еще полвека,
Поработай разумом, внеси
Прочный вклад в успехи человека,
И тогда строй лиру на Руси!

«Дни идут... всё так же воздух душен...». Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 280, в цикле «Последние песни».

«Есть и Руси чем гордиться...». Впервые — «Заветы», 1912, № 9, с. 87. Отклик на правительственные репрессии по отношению к революционерам 1860—1870-х гг. Возможно, что конкретным поводом к написанию стихотворения послужило слушание в Сенате в январе 1877 г. дела о демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 декабря 1876 г., организованной

революционным политическим обществом «Земля и Воля». Высказано предположение, что стихотворение имело еще одну, заключительную строфу, публиковавшуюся ранее как самостоятельный набросок Некрасова:

Зазевайся, впрочем, шляпу
Сдернуть — царь отец
Отошлет и по этапу:
Чур, в один конец!

Вестминстерское аббатство — усыпальница знаменитых людей в Англии: писателей, ученых, полководцев.

Посвящение. Впервые — «С.-Петербургские ведомости», 1877, 20 декабря. В начале 1877 г. Некрасов намеревался издать книгу стихов под названием «В черные дни». Это стихотворение, первоначально озаглавленное «Друзьям-читателям», должно было открывать сборник. Однако планы поэта изменились, в опубликованную в 1877 г. книгу «Последние песни» стихотворение не вошло. В феврале того же года смертельно больного Некрасова посетила депутация студентов Петербургского университета и Медико-хирургической академии. Поэту был вручен адрес (см. прим. к стих. «Скоро стану добычею тленья...»). В ответ Некрасов прочитал и подарил студентам «Скоро стану добычею тленья...». Автограф этого стихотворения был вставлен в рамку и вывешен в библиотеке университета. Как реликвия он хранится там и сейчас.

Из поэмы «Мать». Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 3, с. 297—306, с цензурным пропуском четырех стихов, от *«Несчастна ты, о родина! я знаю...»* до *«Несчастнее, несчастнее стократ!»*. Замысел поэмы относится к 1850-м годам, в 1860-х годах Некрасов опубликовал отдельные фрагменты. В январе 1877 г. он пишет как бы сокращенный вариант поэмы под заглавием: «Затворница. Сон». А. А. Буткевич вспоминала: «...В то время брат был уже очень болен и страшно торопился — все боялся, что не успеет кончить, и велел напечатать хотя так, чтобы быть спокойным, а потом уж, по мере сил, разрабатывал подробнее». Однако «Затворница» не удовлетворяла поэта и не была опубликована при жизни Некрасова. В «Отечественных Записках» появился более полный вариант: «Отрывки из поэмы «Мать». Работа над произведением не была завершена. Поэт написал на экземпляре книги «Последние песни», в которую вошла поэма, подаренном художнику И. Н. Крамскому: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по

корректурам, в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках». *Елена Осиповна Лихачева* — сотрудница «Отечественных Записок», автор книг и статей по женскому вопросу. Кроме этой поэмы, Некрасов посвятил ей экспромт «Уезжая в страну равноправную...». *Расшивы* — плоскодонные парусные большие суда. *Коноводки* — суда, которые тянули по реке воротом, вращаемым лошадьми. *Что мог еще увидеться с тобой, // И опоздал!* Мать Некрасова — Елена Андреевна умерла 29 июля 1841 г., за три дня до приезда поэта в Грешнево из Петербурга. *Я рад, что ты не под семейным сводом // Погребена...* Мать поэта похоронена не в семейном склепе Некрасовых, а рядом, на кладбище при церкви села Абакумцево. На ее могиле стоит скромный светлый памятник. *Тальки* — мотки ниток, пряжи.

Горящие письма. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 2, с. 531; первая редакция под заглавием «Письма» — «Стихотворения», 1856, с. 146. Обращено к А. Я. Панаевой.

Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»). Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 2, с. 454.

Легенду я слыхал и т. д. Высказано предположение, что здесь поэт имеет в виду легенду о разбойнике Кудеяре, которая была использована им в поэме «Кому на Руси жить хорошо» («Легенда о двух великих грешниках»). В некоторых вариантах этой народной легенды момент исполнения епитимьи (духовного наказания) совпадает с моментом смерти грешника.

Поэту. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 2, с. 531. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Баюшки-баю. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 3, с. 267—268. Первоначальный набросок — в дневниковой записи начала 1877 г.: «Худо, читатель! Мой дом — постель. Мой мир — две комнаты: пока освежают одну, лежу в другой. Полрюмки кипрского меня опьяняет; гран опия делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу, но днями нападает на меня какое-то самомнение. На днях муза моя, на прощанье, пропела мне такую песнь:

Пускай чуть слышен голос твой,
Не громки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья.

. . . .

Уступит свету мрак угрюмый,
Не бойся, песенку твою
Над Волгой, над Окой, над Камой
Еще народу я спою.

Худо, когда нашему брату приходят на память песни:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

Я испугался и перестал звать свою музу — не выдержал только раз. Недуг меня одолел, но муза явилась ко мне беззубой, дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей: «Мороз Красный Нос». Я пожалел, что я не выдержал...» Далее — запись строф первой и шестой. В рукописи стихотворения также было четверостишие — отклик поэта на многочисленные письма и телеграммы с выражением сочувствия, приходившие к нему во время болезни со всех краев России:

И уж несет из дебрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец.

4 марта Некрасов прочел «Баюшки-баю» А. Н. Пыпину, Н. А. Белоголовому, Е. И. Богдановскому. Пыпин вспоминал о том, как поэт «стоял на постели на коленах в одной рубашке, и его манера чтения делала впечатление пьесы еще сильнее и тяжелее».

«Черный день! Как нищий просит хлеба...». Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 1, с. 309, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Первоначально четвертый стих был иным. 23 марта, раздраженный цензурными придирками к сборнику «Последние песни» Некрасов изменил его. А. А. Буткевич вспоминала: «На столе лежали только что записанные мною стихи «Черный день». Брат взглянул на них: «Поправь, пожалуйста, там, напиши: «друзей, врагов и цензоров».

Ты не забыта... Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 2, с. 609, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова». Цензор Лебедев писал в цензурный комитет, что Некрасов в этом стихотворении «желает освятить идею самоубийства, так как не только прощает девушке, покусившейся на свою жизнь, ее поступок, но видит в нем поучение другим и могилу ее называет великой, тогда как в живых людях не находит величия». Предпо-

лагают, что стихотворение является откликом на начавшийся в конце 1877 г. «процесс 193-х».

Осень. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 11, с. 283, в составе цикла «Последние песни». «Осень» — последнее стихотворение, напечатанное при жизни Некрасова. Написано на следующий день после значительного события в русско-турецкой войне — взятия русскими войсками города Карса.

Муж и жена. Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 3, с. 43—44, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

Сон. Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 2, с. 610, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

Сбирая колос // С своей несжатой полосы — реминисценция из стихотворения «Несжатая полоса».

«Великое чувство! У каждых дверей...». Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 4, с. 417, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова».

Подражание Шиллеру. Впервые — «Отечественные Записки», 1879, № 1, с. 63, в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова (Библиографические заметки)».

«Скоро — приметы мои хороши!..». Впервые — «Стихотворения», 1879, т. 4, с. 127, в разделе «Из записной книжки».

«О муза! я у двери гроба!..». Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 1, с. 310, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с цензурной купюрой в последнем стихе: «...... музу» и примечанием: «Это стихотворение, по свидетельству сестры покойного А. А. Буткевич, было последним, которое он написал».

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Актер. Впервые — «Текущий репертуар русских театров» (приложение к журналу «Пантеон»), 1841, № 4, с. 103—115, под псевдонимом: «Н. А. Перепельский», с цензурными купюрами. Первоначальное название: «Петербургский актер». Премьера «Актера» состоялась 13 октября 1841 г. в Александринском театре

в бенефис актрисы Н. В. Самойловой (1-ой). В спектакле были заняты лучшие актеры труппы: роль Стружкина исполнял В. В. Самойлов, Кочергина — П. И. Григорьев (1-ый). Водевиль имел успех и входил в репертуар петербургских театров до 1863 г. Ставился «Актер» и в московском Малом театре и на провинциальных сценах. В 1848 г. в Петербург на гастроли приехала австрийская танцовщица Фанни Эльслер. Она была хорошо встречена петербургской публикой. Коронным номером танцовщицы было исполнение качучи в балете «Эсмеральда». Бенефис Фанни Эльслер был назначен на февраль 1849 г., ставился водевиль «Актер», к которому специально для этого случая Некрасов написал новую концовку: Мартынов, исполняющий роль друга Стружкина, в платье Фанни танцевал качучу. «Актер» был замечен критикой. В. Г. Белинский в «Отечественных Записках» изложил содержание водевиля и сформулировал его основную мысль: «актер не шут площадной, а артист». В рецензии «Литературной газеты» Ф. А. Кони отметил: «...г. Перепельский имел в виду посмешить и вполне достиг своей цели. Сцены у него ведены очень хорошо, есть несколько острых куплетов, и потому пиеска имела большой успех, чему много способствовала искусная и ловкая игра г. Самойлова... и г. Григорьева 1-го». Литературные противники Некрасова использовали газету «Северная пчела» для враждебного выпада. В № 246 была опубликована статья В. Межевича, в которой он объявлял о плагиате Некрасова, возводя «Актера» к французскому водевилю Монье «Импровизированная семья». (См. об этом в письме Некрасова Ф. Кони от 25 ноября 1841 г.) Оригинальность водевиля «Актер», его свобода от французских источников в литературоведении доказана. Пьеса представляет собой один из лучших водевилей Некрасова, сохраняя водевильные приемы и интригу, Некрасов внес в нее прогрессивные общественные тенденции, идею высокого назначения театрального искусства.

Средняя блуза, дублет в угольную, карамболь — бильярдные термины. *Блуза* (средняя, угольная) — луза, сетчатая сумка на бильярде (всего их шесть), *дублет* — двойное попадание, *карамболь* — удар своим шаром в несколько чужих. *Гаррик* Дэвид, *Кин* Эдмунд — выдающиеся английские актеры-трагики. *Лекен* Анри Луи, *Тальма* Франсуа Жозеф — знаменитые французские актеры. *Итальянец* — продавец статуэток — частая тогда фигура на петербургских улицах. Упомянутые Некрасовым бюсты Наполеона, Вольтера, статуэтка балерины Тальони в роли Сильфиды были обычным товаром таких торговцев-разносчиков и пользовались

спросом. С приездом в Петербург Фанни Эльслер вошла в моду гипсовая статуэтка, изображающая ее в танце. *Лазарони* (ладзарони, лаццарони) — бедняк, живущий нищенским или случайным заработком.

Осенняя скука. Впервые — сборник «Для легкого чтения», т. III, 1856, с. 253—281. Пьеса опубликована с датой: «1848 г.». Это — время создания в соавторстве с А. Я. Панаевой романа «Три страны света», содержащего главу «Деревенская скука», которая стала основой будущей одноактной пьесы. По сравнению с текстом романа в драматическом произведении усилена социальная характеристика главного действующего лица — изнывающего от безделья барина-крепостника, расширен круг персонажей, введен мотив издевательских кличек. «Осенняя скука» не имеет интриги, пьеса основана на внутреннем действии, ее отличает от ранней драматургии Некрасова и драматургии 1840-х гг. в целом углубленный психологизм в трактовке образов действующих лиц, новый для театрального искусства того времени элемент настроения. Все это сближает «Осеннюю скуку» с драматургией А. П. Чехова. О восприятии пьесы в 1902 г. петербургским зрителем режиссер-постановщик П. Гнедич писал: «За полвека до Чехова, до того «театра настроения», что строил театр Станиславского в Москве, он <Некрасов> дал пьесу, где вой ветра, шум дождя, стук ставней, отпирание замков, беглые тени от фонарей, мелькающих во дворе, шлепанье шагов по грязи введено им как необходимый аккомпанемент к тексту... «Да это точно вчера написано! Да это весь будущий Чехов!» — говорили театралы». При жизни Некрасова «Осенняя скука» не была поставлена ни на петербургской, ни на московской сцене. Недавно обнаружено цензурное разрешение на постановку пьесы в Воронежском театре в сезон 1860—1861 гг. С большим успехом «Осенняя скука» шла в Петербурге на сценах Александринского и Михайловского театров в 1902—1903 гг. Юбилейные некрасовские дни 1946 и 1971 гг. ряд советских театров и театральных студий отметил постановкой лучших драматических произведений Некрасова: водевилей «Актер» и «Петербургский ростовщик» и пьесы «Осенняя скука».

Энгалычев, Удсн (Удин) — авторы популярных медицинских учебников начала XIX в. *Штрипка* — тесьма, пришитая к штанине брюк и продеваемая под ступню или обувь.

Т. Царькова

СОДЕРЖАНИЕ

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Часть первая 5
Пролог 5
Глава 1. Поп 16
Глава 2. Сельская ярмонка 27
Глава 3. Пьяная ночь 38
Глава 4. Счастливые 51
Глава 5. Помещик 71
Последыш *(Из второй части)* 87
Крестьянка *(Из третьей части)* 123
Пролог 123
Глава 1. До замужества 134
Глава 2. Песни 140
Глава 3. Савелий, богатырь святорусский . 146
Глава 4. Демушка 157
Глава 5. Волчица 167
Глава 6. Трудный год 176
Глава 7. Губернаторша 182
Глава 8. Бабья притча 190
Пир на весь мир 194
Вступление 194
1. Горькое время — горькие песни . . . 198
2. Странники и богомольцы 208
3. И старое и новое 217
4. Доброе время — добрые песни 231

СОВРЕМЕННИКИ

Часть первая. Юбиляры и триумфаторы . 245
Часть вторая. Герои времени 260

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1875—1877

С<алтыко>ву (При его отъезде за границу) . 311
Как празднуют трусу 311
Что нового? 312
Молодые лошади (*Вчерашняя сцена*) 313
Праздному юноше 313
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...») . . 314
Зине («Двести уж дней...») 314
Друзьям 314
Сеятелям 315
Молебен 315
Музе 316
Вступление к песням 1876—77 годов 316
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...») . 317
Старость 318
Приметы 318
Приговор 318
«Дни идут... всё так же воздух душен...» . . 319
«Есть и Руси чем гордиться...» 319
Посвящение 320
Из поэмы «Мать». *Отрывки* 320
Горящие письма 329
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..») . . 329
Поэту 330
Баюшки-баю 330
«Черный день! Как нищий просит хлеба...» . . 332
Ты не забыта... 332
Осень 333
Муж и жена 333
Сон 334

«Великое чувство! У каждых дверей...» . 335
Подражание Шиллеру 335
«Скоро — приметы мои хороши!..» 336
«О муза! я у двери гроба!..» 336

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Актер. *Шутка-водевиль в одном действии* . . 339
Осенняя скука 360

Примечания 386

Н. А. НЕКРАСОВ

Собрание сочинений
в четырех томах

Том III

Редактор тома
Н. Г. Цветкова

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

Технический редактор
А. И. Шагарина

Сдано в набор 07.09.79. Подписано к печати 29.11.79.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 22,66. Тираж 600 000
(300 001—600 000) экз. Изд. № 2617. Зак. № 4535.
Цена 1 р. 40 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Ленина типографии
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70683